

НЕКРАСОВ—УЧАСТНИК «СВИСТКА»

Статья и публикация | А. Максимовича |

1

Организатором, руководителем и основным сотрудником «Свистка» был Добролюбов. Второе место по праву принадлежит Некрасову, который, можно предполагать, был автором самой идеи издания при «Современнике» особого сатирического листка. «Свисток» придумал, собственно, я,— рассказывал Некрасов незадолго до смерти,— а душу ему, конечно, дал Добролюбов»¹.

Первые два номера «Свистка», вышедшие в январе и апреле 1859 г., были целиком составлены Добролюбовым (за исключением статьи «Вредная добродетель», принадлежавшей Н. Г. Чернышевскому).

Сотрудничество Некрасова начинается только с третьего номера (октябрь 1859 г.), трагедией «Забракованные» — произведением, однако, несколько случайным для тематики «Свистка» и, видимо, не специально написанным для него, а лишь обработанным на материале более ранних заготовок, восходящих еще к 40-м годам.

Однако о начавшемся активном участии Некрасова в «Свистке» говорит сохранившийся первый лист цензурской корректуры того же третьего номера. Правка свидетельствует о том, что Некрасов к этому времени уже не был случайным сотрудником, но уже занимался организацией и редактированием номера: вносил цензурные замены, правил стихи и давал указания о порядке верстки (ИЛИ, фонд 250, оп. 2, № 75).

В четвертом номере «Свистка» («Современник» 1860, № 3) Некрасов принимает еще более близкое участие: он дает два стихотворения, написанные, видимо, уже в расчете на «Свисток» (хотя и в середине 1859 г.), отвечающие общей его тематике и основанные на злободневном материале. Это — «Дружеская переписка Москвы с Петербургом», задуманная и осуществленная Некрасовым в тесном сотрудничестве с Добролюбовым, которому принадлежат прозаическое введение и объемистые «библиографические примечания», пародирующие псевдоученых комментаторов).

Принадлежность этих двух стихотворений Некрасову устанавливается его предсмертной заметкой, сохранившейся в записи А. А. Буткевич: «Из Свистка многое я перепечатал, иное не стоит, но там есть Переписка Москвы с Петербургом, текст — стихи мои, примечания Добролюбова. Эту пьесу я не хотел зачать своею при жизни Гербель просто это пустил в своей хрестоматии, без моего позволения). Теперь ею можно воспользоваться для статейки обо мне, и ввести ее в приложение, когда будет издание моих сочинений»².

Это определенное указание Некрасова на его единоличное авторство (в стихах) несколько противоречит свидетельству Добролюбова. В письме к своему другу И. И. Бордюгову от 4 июня 1859 г. Добролюбов послал ему стихотворение «Ты знаешь град, где Минин и Пожарский...», являющееся первоначальной краткой редакцией «Петербургского послания» (входящего в «Дружескую переписку...»); в письме же, ошибочно датированном им 28 мая (повидимому, 28 июня 1859 г.), он пишет: «Изображение Москвы, столько тебя устранившее, принадлежит мне менее, чем на половину. Это мы с Некрасовым однажды дурачились, и, конечно, все лучшие стихи его»³.

Надо думать, однако, что даже эта скромная доля участия Добролюбова («менее чем на половину», «все лучшие стихи его») относилась лишь к первоначальному ва-

рианту «Послания»: при окончательной обработке Некрасов воспользовался, видимо, лишь собственными строками и поэтому мог с полной определенностью называть стихотворение своим. Это соображение отчасти подтверждается наборной рукописью (ИЛИ № 86/1914. VIIIC — архив Добролюбова).

Рукопись состоит из двух частей: вступительной заметки и «библиографических примечаний», написанных рукой Добролюбова, и двух стихотворений (на отдельных листах), написанных рукой Некрасова. В тексте рукописи Некрасова зачеркнута первоначальная редакция первой строфы, предварительно подвергнутая сильной правке. Две поправки в черновике принадлежат Добролюбову, но в процессе дальнейшей переработки Некрасов их отверг.

Именно, вместо первоначального:

Где, Гегелю по мудрости ровесник,
Катков науку с жизнью мирит,
Как водопад, бушует «Русский Вестник»,
И «Атеней», как ручеек, журчит?

Добролюбов написал:

Вильменю в прозорливости ровесник,
Где хрестоматию Галахов сочинял,
Как водопад, бушует «Русский Вестник»,
И «Атеней», как ручеек, журчал.

Эту несогласованную синтаксически редакцию Некрасов заменил окончательной:

Тот славный * град, где смелый провозвестник
Московских дум и английских начал,
Как водопад, бушует «Русский Вестник»,
Где «Атеней», как ручеек, журчал?

Стих 64, первоначально записанный:

Там граф Толстой «Альберта» сочинил,

затем замененный стихом:

Там сам себя Чичерин поразил,—

Добролюбов хотел изменить так:

Чичерин там гремел и отгремел,

однако Некрасов не принял этой замены, уничтожавшей рифму.

Этот пример очень характерен: видимо, варианты Добролюбова, действительно, отсеивались по мере обработки стихотворения.

Единое авторство Некрасова подтверждается и записью в сохранившейся бухгалтерской книге «Современника» за 1860 г. (ИЛИ). По счету Некрасова указано: «В 3 № «Современника» в Свистке 3 <страницы>» ⁴.

Весь остальной материал четвертого номера «Свистка» (за исключением «новых творений Козьмы Пруtkова») ⁵ принадлежал Добролюбову.

2

Для того, чтобы определить участие Некрасова в следующих номерах «Свистка», необходимо предварительно заняться вопросами авторства.

Несмотря на большое значение «Свистка» для истории сатирической журналистики 60-х годов, несмотря на то, что именно в нем работа Некрасова теснейшим образом переплеталась с работой Добролюбова, вопросы атрибуции некрасовских текстов в «Свистке» до сих пор не были подвергнуты внимательному рассмотрению.

Нескрасоведам были известны, во-первых, те из напечатанных в «Свистке» произведений Некрасова, которые были им самим перепечатаны, в том или ином виде, в по-

* <В печатном тексте> мудрый.

ние образованности в Камышине, и Мальчик с пальчик (То же, стр. 38 и 39). 5) Вступительное слово Свистка (Совр. 1863, т. 95, № 4, стр. 8).

К этому перечню была добавлена «Дружеская переписка Москвы с Петербургом», и этим до самого последнего времени ограничивался круг известных произведений Некрасова в «Свистке».

Работая над установлением авторства критических и публицистических произведений Некрасова, я привлек дополнительный документальный материал: хранящиеся в Институте литературы АН СССР (фонд 628, № 4) конторские книги «Современника» за 1860 и 1861 гг., гонорарные записи которых по счету Некрасова дали возможность с большей достоверностью и более исчерпывающе установить список напечатанных в «Свистке» произведений Некрасова.

В конторской книге 1860 г., на стр. 148—149, в счете Некрасова, находим следующие относящиеся к «Свистку» записи:

«На счет кассы (со счета) Издания 1860 г. заработано:

В Свистке

3 № В Свистке	3	}	50
5 № В Свистке	5		
12 № Свисток по 50 р.	9		
			28.12*

В конторской книге 1861 г. на стр. 158:

«Вместо предисловия о шрифтах	7 ¹ / ₂	}	100»
Гимн Времени	1 ¹ / ₂		
Финансовые соображения	2		
Литературная травля	3 ¹ / ₂		
Мысли журналиста	1 ¹ / ₂		

Записи 1861 г. совершенно точны и не требуют никаких специальных разысканий: все перечисленные произведения напечатаны в седьмом номере «Свистка» («Современник» 1861, № 1).

Приведенные записи 1860 г. нуждаются в пояснениях и расшифровке.

Три страницы в третьем номере «Современника» 1860 г. (т. е. в четвертом номере «Свистка») определяются совершенно точно: это стихотворный текст «Дружеской переписки Москвы с Петербургом». Остальные произведения четвертого номера «Свистка» принадлежали Добролюбову («Наука и свистопляска», «Три стихотворения Конрада Лилиеншвагера» и примечания к «Дружеской переписке») и Козьме Пруткову («Пух и перья»).

Пять страниц в пятом номере «Современника» («Свисток», № 5) — это «Отъезжающим за границу» (включая стих. «Первый шаг в Европу»), «Кювье — в виде Чацкина и Горвица» и, повидимому, вся прозаическая часть «Развязки диспута 19 марта», состоящая из предисловия и послесловия к стих. Добролюбова «Призвание (М. П. Погодину от рыцарей Свистопляски)», что, действительно, в итоге составляет пять страниц. Остальные произведения пятого номера принадлежали, опять-таки, Добролюбову («Оговорка», «Опыт отучения людей от пищи», «Юное дарование») и Козьме Пруткову («Еще произведение Пруткова» и «Черепослов»).

Принадлежность Некрасову заметки «Отъезжающим за границу» подтверждается тем, что включенное в нее стихотворение «Первый шаг в Европу» было полностью перепечатано им в собрании стихотворений 1873—1874 гг. Принадлежность ему же заметки о Кювье подтверждается черновым наброском, хранящимся в ИЛИ (фонд 203, № 18).

По поводу «Развязки диспута 19 марта» Б. Бухштаб пишет в примечаниях к Добролюбову: «В первом издании «Сочинений Н. А. Добролюбова» перепечатано только стихотворение без предисловия и послесловия. Очевидно, у Чернышевского были основания считать предисловие и послесловие не принадлежащими Добролюбову. Дей-

* Первая колонка цифр относится к объему и обозначает число печатных страниц; вторая колонка — причитающийся гонорар в рублях (обычно из расчета 100 руб. за лист в 16 печатных страниц; в одном же, особо оговоренном случае, — из расчета 50 рублей за лист).— А. М.

ствительно, в... рукописи послесловие написано рукой Некрасова (вступление же отсутствует). В изданиях под редакцией М. К. Лемке и под редакцией Е. В. Аничкова вступление к стихотворению напечатано в основном тексте, послесловие же не напечатано. Полагаем, однако, что вступление не было включено Чернышевским по тем же основаниям, что и послесловие: очевидно, и оно принадлежит Некрасову, который не только снабдил стихотворение Добролюбова пояснениями, но и изменил кое-что в тексте»⁷.

Рукопись, на которую ссылается Б. Бухштаб, хранится в ИЛИ (фонд 203, № 26). Стихотворение Добролюбова было исправлено Некрасовым в двух местах. Стих:

И ставил свечи ты науке и «Свистку»

Некрасов исправил:

И ревностно служил науке и «Свистку»;

стих:

Он так высок, что мог легко тебя простить

Некрасов исправил:

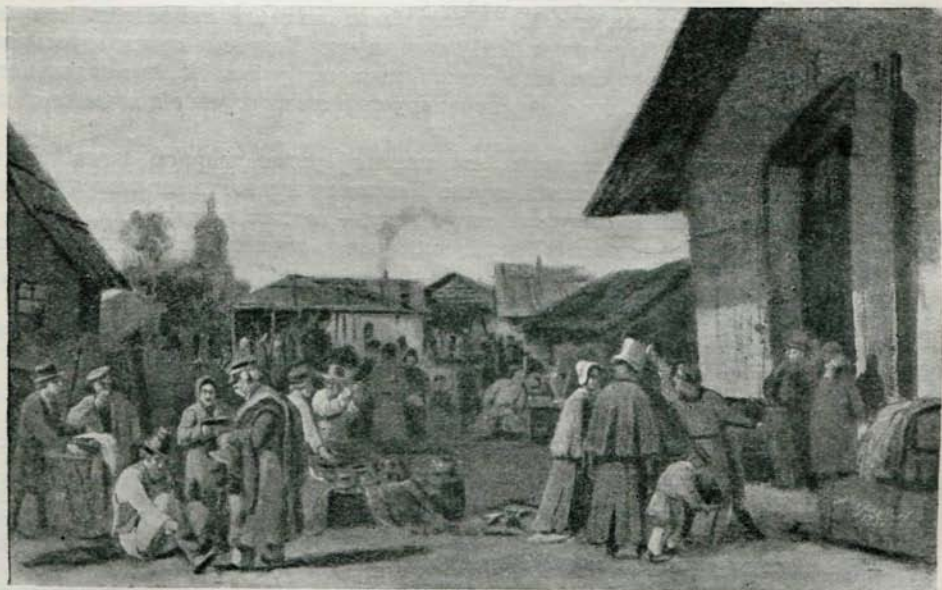
Он так высок, что может все простить.

Девять страниц в двенадцатом номере «Современника» («Свисток» № 6) расшифровываются не так четко.

В той же конторской книге указано, что участниками шестого номера «Свистка» были Добролюбов (31 страница) и М. Михайлов (3 страницы). Вместе с девятью страницами Некрасова это и составляет сорок три страницы (фактически — сорок три с третьей) — полный объем номера.

Материал, принадлежащий Добролюбову, точно известен: это «Два графа», «Неаполитанские стихотворения» и «Новое стихотворение Аполлона Капелькина».

М. К. Лемке присоединил к числу произведений Добролюбова еще и открывающее этот номер вступление — «Причины долгого молчания Свистка»⁸, очевидно руководствуясь тем, что Добролюбову, действительно, принадлежала напечатанная Чернышевским первоначальная редакция вступления «Новое назначение Свистка», которая была, видимо, запрещена цензурой (о чем см. ниже) и поэтому была заменена другой, с новым названием: «Причины долгого молчания Свистка».

РЫНОК В ПЕТЕРБУРГЕ

Картина маслом А. Ф. Чернышева, 1851 г.

Третьяковская галлерей, Москва

Однако, несмотря на то, что в этой последней статье были использованы некоторые темы и даже часть текста запрещенного вступления, приписывать ее Добролюбову нет основания.

Во-первых, сам Некрасов категорически указал на свое авторство, и это утверждение тем более авторитетно, что оно было адресовано как раз самому Добролюбову: «В XII номере «Современника», наконец, пустили «Свисток», — сообщал Некрасов в декабре 1860 г., — который состоит 1) из небольшого вступления, написанного мной, 2) Два графа. 3) Неаполитанские стихотворения. 4) Что поделявает наша внутренняя гласность (несколько выписок из газет) и еще две статейки, стихотворение Ап. Кап. елькина» (Дики желанья мои) я тоже пустил тут»⁹. Во-вторых, весь указанный в конторской книге объем статей Добролюбова полностью исчерпывается перечисленными выше и заведомо принадлежащими Добролюбову произведениями.

Таким образом, все остальное — «Причины долгого молчания Свистка», цикл «Что поделявает наша внутренняя гласность?» и фельетон «Г. Геннади. исправляющий Пушкина» — принадлежит Некрасову и Михайлову. Так как принадлежность Некрасову заметки «Причины долгого молчания Свистка» установлена, а в то же время фельетон о Геннади нет основания приписывать Михайлову¹⁰, то три принадлежащие последнему страницы следует искать среди статей цикла «Что поделявает наша внутренняя гласность?»

Единственным источником для выделения принадлежащих Михайлову статей этого цикла является уже цитированная справка Н. В. Гербеля. Перечисляя принадлежащие Некрасову отдельные статьи из цикла «Что поделяет...» etc, Гербель не упомянул одну только заметку «Шестнадцать гусей — жертва нашей безграмотности» (также занимающую около трех страниц), и можно поэтому предположить, что именно она не принадлежит Некрасову, а написана Михайловым.

Это предположение нельзя, однако, считать безусловно достоверным, так как список Гербеля не отличается идеальной точностью (так, стих. «Вместо предисловия» названо им по заголовку, относящемуся ко всем последующим заметкам цикла «Что поделяет...» etc; статьи же Некрасова, видимо, названы не все).

Отсутствие упоминания, таким образом, могло быть случайным, поэтому допустимы догадки, по-иному решающие вопрос авторства.

Я выдвигаю предположение, что Михайлову были оплачены выписки из статей Ильминского, Карпова и Папиевтова (см. текст) и что Некрасов своими краткими обрамляющими заметками оформил их в единый цикл под рубрикой «Что поделяет наша внутренняя гласность?», присоединив к нему свое стихотворение в качестве своеобразной «передовой статьи».

Ведь более естественно предполагать, что цикл оформлен целиком одним лицом по готовым материалам и что в таком случае Некрасову принадлежит завершающая редакционная работа, а Михайлову, его сотруднику, — подготовительная.

Как бы то ни было, сотрудничество Михайлова, видимо, ограничилось этим циклом о «гласности».

Так решается вопрос об авторстве произведений 1860 г.

Таким образом, суммируя все данные, мы получаем следующий, более или менее исчерпывающий, список напечатанных в «Свистке» произведений Некрасова:

«Свисток» № 3, стр. 501—516 («Современник» 1859, № 10):

1. «Забракованные. Трагедия в 3-х действиях, с эпилогом; с национальными песнями и плясками и великолепным бенгальским огнем». Подпись: Чурмень.

«Свисток» № 4, стр. 30—33 («Современник» 1860, № 3):

2. «Дружеская переписка Москвы с Петербургом» (тексты стихотворений).

«Свисток» № 5, стр. 35—41 («Современник» 1860, № 5):

3. «Отъезжающим за границу» (включая стихотворение «Первый шаг в Европу. Письмо первое»).

ЗДАНИЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ ОПЕРЫ В ПЕТЕРБУРГЕ

Акварель А. Ф. Чернышева, 1851 г.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

4. «Кювье — в виде Чацкого и Горвица» (включая стихотворение «О гласность русская! ты быстро зашагала»).

5. «Развязка диспута 19 марта» (прозаическое вступление и послесловие).

«Свисток» № 6, стр. 1—3, 34—40, 40—43 («Современник» 1860, № 12):

6. «Причины долгого молчания Свистка».

7. «Что поделывает наша внутренняя гласность?»:

«Вместо предисловия» (стихотворение «Друзья мои! мы много жили»).

«Шестнадцать гусей — жертва нашей безграмотности».

«Состояние образованности в Камышине, по свидетельству г. Карпова».

«Мальчик с пальчик, или красноречивые противники».

8. «Г. Геннади, исправляющий Пушкина (Письмо в редакцию)». Подпись: Григорий Сычовкин.

«Свисток» № 7, стр. 1—8, 9—10, 35—37, 41—44, 45—46 («Современник» 1861, № 1):

9. «Вместо предисловия, о шрифтах вообще и о мелком в особенности».

10. «Гимн «Времени», новому журналу, издаваемому М. Достоевским».

11. «Финансовые соображения. (Голос из провинции)». Подпись: У — — — кий старожил*.

12. «Литературная травля, или Раздраженный библиограф (Эпизод из поэмы-автобиографии Саввы Намордникова)».

13. «Мысли журналиста при чтении программы, обещающей не щадить литературных авторитетов». Подпись: × ×

«Свисток» № 9, стр. 8—12, 67—71, 72—73 («Современник» 1863, № 4):

14. «Вступительное слово «Свистка» к читателям».

15. «Песня об «Очерках» (Из лирической драмы «Видение на Неве)». Подпись: Савва Намордников.

16. «Мое желание (Романс господина, обиженного литературой)». Подпись: Савва Намордников.

* В корректуре: Углицкий старожил.

В результате мы получаем возможность значительно расширить наше представление о Некрасове — сотруднике «Свистка».

Мы уже отмечали тесное сотрудничество Некрасова и Добролюбова, которое проявляется, конечно, не столько в «коллективном творчестве», сколько в тематических откликах и в координированной работе, имевшей в виду единый замысел номера. Так, например, в четвертом номере «Свистка» основной удар был направлен против реакционной «московской» науки — против Погодина, вызвавшего Костомарова на известный диспут о происхождении Руси. Некрасовская «Переписка Москвы с Петербургом» (наброшенная, правда, годом ранее и, следовательно, вне связи с данным номером «Свистка»), попадая в этот номер, играет роль общего фона, общей иронической характеристики мудреных «московских умов».

Тематическая близость материалов Некрасова и Добролюбова еще более бросается в глаза при ознакомлении с пятым номером, когда Некрасов вплотную занялся «Свистком» с тем, чтобы потом полностью взять его в свои руки.

Первый из некрасовских фельетонов «Свистка» — «Отъезжающим за границу», в котором, в качестве «первого письма» некоего странствующего россиянина появилось стихотворение «Первый шаг в Европу», обратил на себя внимание цензуры. В докладе Главного управления было сказано: «Свисток» за май представил только еще первое письмо, имеющее целью уронить наших помещиков, но и оно замечательно». и, приведя последние фразы стихотворения Некрасова:

Ах! лучше б, душечка, в деревне девок стричь... и т. д. —

цензурный обозреватель дает им следующую оценку: «Здесь уже без всяких прикрас, без всяких разысканий в чужой истории или законодательстве ¹¹ указывается на ненормальное положение нашего отечества» ¹².

Стихотворение «Первый шаг в Европу» было впоследствии перепечатано Некрасовым в приложениях к шестой части его стихотворений (СПб, 1874, 219—221), без заключительного стиха «И тяжко я вздохнул о родине моей», с неточной датой «1861», а также без введения и послесловия.

Прозаическое введение, с одной стороны, подготовляло частичный переход «Свистка» на западную тематику, предполагавшийся в связи с заграничной поездкой Добролюбова. Ср. слова этого введения: «Сопровождать приличными звуками отъезжающих за границу «Свисток» ... решится только тогда, когда сам побывает в Европе и посмотрит, в какой мере и с какой стороны почтенные наши сограждане, там проживающие, заслуживают свиста». Таким образом, здесь намечается использование Европы в качестве фона, подчеркивающего отрицательные стороны отечественных «почтенных сограждан».

И в то же время это предисловие, если и не маскировало, то, во всяком случае, как бы условно дезавуировало антикрепостническую направленность стихотворения, вводя дополнительную, осложнявшую восприятие, тему: самое стихотворение здесь преподносится иронически как факт «безымянной гласности», довлеющей себе: «Он <автор письма> и не мог выставить имени. Он уже и так принес большую жертву гласности обнаружением факта, и, таким образом, кроме литературного достоинства, произведение его имеет цену общественной заслуги».

Следующая за «Первым шагом в Европу» заметка «Кюрье — в виде Чацкого и Горвица» примыкает к первому «Письму из провинции» Добролюбова («Современник» 1869, № 1; «Свисток» № 1, стр. 98—210), появившемуся в связи с известным литературным протестом против антисемитских выступлений журнала «Иллюстрация»¹³.

Добролюбов высмеивал эту «бурю в стакане воды», считая, что она по случайному и частному поводу отвлекает общественное внимание от действительных и коренных недостатков социального строя, от более насущных вопросов и направляет общественную энергию в русло либерального красноречия.

Как можно судить по заметке о Кюрье, Некрасов, не считавший удобным отказываться дать свою подпись под «протестом», в то же время разделял точку зрения Добролюбова.

Ссылка на «дело о двух тысячах голодающих и мрущих рабочих, в котором г. Кокорев допускал паузы по месяцу и более» связана также с Добролюбовым: его большая статья о Кокореве — «Опыт отучения людей от пищи» была помещена в том же номере «Свистка» (стр. 4—27).

Пятый номер был последним номером «Свистка», который в основном организовал и заполнил Добролюбов; с его отъездом за границу издание «Свистка» переходит в руки Некрасова, которому принадлежат все основные произведения следующих номеров «Свистка» — шестого и седьмого.

4

Шестой номер «Свистка» появился в декабрьской книжке 1860 г., через семь месяцев после пятого, вышедшего в мае; предисловие Некрасова давало шутливое объяснение «причин долгого молчания Свистка».

Это «долгое молчание» было отчасти связано с отъездом Добролюбова за границу в конце мая 1860 г. Очередной, шестой номер мог появиться лишь тогда, когда у Добролюбова начали складываться первые итоги заграничных впечатлений. Европейская политическая тематика легла в основу большой статьи Добролюбова «Два графа» и его же цикла «Неаполитанские стихотворения»¹⁴ (что на три четверти заполнило шестой номер «Свистка»).

Еще 22 августа В. И. Добролюбов передавал Н. А. Добролюбову желание Некрасова: «...ему желательно было бы, дескать, твоего Свистка, да ведь едва ли это возможно»¹⁵. Позднее, в ответ на какое-то не дошедшее до нас напоминание, сам Добролюбов писал: «Пока скажите <Некрасову>, что ведь «Свисток» зависит весь от материалов, которых у меня решительно нет. О Европе я сочинил кое-что для октября, хоть и плоховато вышло, но сойдет, может, коли цензура пропустит; а для России пусть мне пришлют что-нибудь достойное внимания — я и обработаю. А то ведь ничего нет, решительно ничего! Об Европе я и для ноября пришлю непременно»¹⁶.

Почти все, что было прислано Добролюбовым для этих двух номеров «Свистка», тогда в печати не появилось, и состав подготовленных им материалов может быть установлен лишь на основании посмертного издания собрания сочинений критика, где Чернышевский напечатал две добролюбовские подборки для «Свистка» в их первоначальном виде, под номерами 6 и 7.

Шестой номер (соответствующий подготовленному «для октября») состоял из предисловия «Новое назначение Свистка», стихотворения «Сирия и Крым», «Писем благонамеренного француза» и цикла «Неаполитанские стихотворения». Седьмой (подготовленный «для ноября») включал статью «Два графа» и стихотворение «Мое желание».

Именно к первоначальному, шестому номеру должно относиться следующее письмо В. И. Добролюбова: «Читали мы с Иваном Максимовичем твой «Свисток» в корректуре, — писал он 19 октября своему племяннику, — дивились твоему умению говорить и доказывать так, как захочешь, — и убедительно выходит. Дожидались Некрасова, и тогда пошлют к цензору. Цензура плоха, и не знаю, пройдет ли; но хлопотать будут, Авдотья Яковлевна говорит»¹⁷.

Эти опасения были основательны: цензура задержала выход «Свистка» еще на два месяца¹⁸, состав его был изменен (в него полностью вошел добролюбовский «седьмой» номер, а из «шестого» — только «Неаполитанские стихотворения») ¹⁹.

В связи с этим Некрасову пришлось, вместо написанной Добролюбовым и, повидимому, запрещенной цензурой вступительной заметки «Новое назначение Свистка» написать свои «Причины долгого молчания Свистка».

В конце этого предисловия Некрасов использовал, с незначительными изменениями, несколько фраз из текста Добролюбова — фраз, мотивировавших переход «Свистка» на западную тематику²⁰.

При этом, повторяя перечисление статей Добролюбова, Некрасов оставил упоминание и о тех, которые были запрещены цензурой.

Всю «русскую» часть номера Некрасов взял на себя, заполнив своим обзором «нашей внутренней гласности» ту брешь, которая образовалась в результате цензурной катастрофы.

Цикл заметок «Что поделывает наша внутренняя гласность?» («несколько выписок из газет», как характеризует его Некрасов в цитированном письме к Добролюбову) продолжал борьбу, начатую Добролюбовым против пустозвонной либеральной гласности.

Стихотворение «Друзья мои! Мы много жили», напечатанное «вместо предисловия» к циклу о гласности, имеет свою предисторию. Первоначальным вариантом того же замысла являются куплеты «Всевышней волею Зевеса», известные в трех редакциях: в записи Добролюбова²¹, в копии, напечатанной библиографом Д. П. Сильчевским²², и в копии А. Я. Панаевой, по которой печатал это стихотворение К. И. Чуковский. Запись Добролюбова хранится в Институте литературы АН СССР (№ 1856/VIIIС, архив Добролюбова № 28); местонахождение двух других копий неизвестно.

Прямая генетическая связь двух стихотворений, помимо близости жанра, темы и материала, подтверждается тем, что один куплет из текстов Сильчевского—Панаевой с некоторыми изменениями вошел в стихотворение «Свистка».

В тексте Сильчевского—Панаевой:

На грамотность не без искусства
Накинулся почтенный Даль —
И обнаружил много чувства,
И благородство, и мораль.

В «Свистке»:

Припомним, что не без искусства
На грамотность ударил Даль —
И обнаружил много чувства
И остроумье, и мораль...

К. И. Чуковский датирует «Всевышней волею Зевеса» 1857 г. (по упоминанию о третьем томе «Губернских очерков» Щедрина, вышедшем в этом году). Такая датировка правдоподобна, хотя можно отнести это стихотворение и к 1858 г. («Очерки» вышли в конце 1857 г.). Во всяком случае, существенно отметить, что Некрасов выступал «в духе Свистка», иронически относясь к либеральному прогрессу, еще задолго до того, как сам «Свисток» был осуществлен.

Стихотворение «Друзья мои! Мы много жили» также известно в двух редакциях: в архиве А. Н. Пыпина (ИЛИ, фонд 250, оп. 2, № 76) сохранилась цензурная корректура шестого номера «Свистка», где текст этого стихотворения отличается следующими вариантами:

Стих 1	Друзья мои! Вы много жили
Между 4 и 5 стихами	Припомним, что уж наш Амур, И взят трактатом, не картечью, Что мстит Каткову «Русской Речью» За Свечину Евгенья Тур.
Стих 27	Шептал: настала мне беда
» 35	Но что ж? решить мне не дано
» 37	Я твердо знаю лишь одно
» 43	Грозой классических страстей.

Четверостишие, не попавшее в печатный текст, было очень злободневным. Присоединение левого берега Амура к России (по Айгунскому договору, заключенному 16 мая 1858 г. между Россией и Китаем), явившееся результатом ряда военных экспедиций сибирского генерал-губернатора Н. Н. Муравьева-«Амурского», оживленно обсуждалось в русской печати 1858—1859 гг. «Статей, написанных об Амуре в последние два года, так много, — писал Добролюбов, — что из перечня их могла бы, пожалуй, составиться даже особая отрасль русской библиографической науки»²³.

Вторая строфа стихотворного предисловия, говорящая о противниках грамотности, является, в сущности, лейтмотивом трех объединенных предисловием заметок.

Обучение народа грамоте было предметом оживленной дискуссии в журналистике начала 60-х годов. Именно к 1860 г. относится составленный Тургеневым проект «Об-

щества для распространения грамотности и первоначального образования», который упомянут Некрасовым в заметке «Шестнадцать гусей...». Либералы видели в грамотности народа панацею от всех зол российской жизни (ср. у Некрасова: «... подобными фактами злоупотреблений наполнены газеты, с приливом, постоянным с некоторого времени: нужна грамотность!»).

Некрасов охотно осмеивает консерваторов — противников грамотности: Дая. Бланка, Беллюстина, перепечатывает статейку, обличающую провинциальных зубров²⁴, но в то же время самым подбором фактов показывает, что общественные недуги коренятся глубже, что грамотность сама по себе не решает дела.

Не отсутствие грамотности, а мошенничество и хищничество, коренящиеся в общественном укладе, погубили гусей женщины, доверившейся жулику — «придворному адвокату» («Шестнадцать гусей — жертва нашей безграмотности»). «Эта статейка с ее моралью,— говорит Некрасов,— может служить хорошим образчиком того, что подделывает наша внутренняя гласность».

Пресловутая же гласность часто несколько не мешает скрytiю темных делишек, и обличение их иной раз приводит лишь к состязанию в красноречии («Мальчик с пальчик, или красноречивые противники»).

Последняя принадлежащая Некрасову статья шестого номера — фельетон «Г. Геннади, исправляющий Пушкина» — является в нашей публикации наиболее ценным новым приобретением некрасовского текста.

Интересный и, может быть, даже для наших дней актуальный по своей теме, он является блестящим образцом фельетонного мастерства Некрасова.

Фельетон написан от лица наивного провинциала, недоумевающего по поводу «сверхнаучного» (а по существу, очень неудачного) издания сочинений Пушкина.

Направленное конкретно против редактора этого издания, «известного библиографа и библиофила» Г. Н. Геннади²⁵, выступление Некрасова включалось в тот общий

поход против «библиографии», который был провозглашен Добролюбовым с первых его шагов на журнальном поприще.

Библиография в 50-е годы прошлого века заменяла собою то, что мы теперь называем литературоведением: к ней относили все историко-литературные исследования и заметки по частным вопросам. В работах библиографов тех лет сказывалось увлечение мелочными и узкими разысканиями случайных фактов, большей частью не имеющих принципиального интереса. Библиограф был скорее коллекционером литературных раритетов, чем историком; от литературной критики он был совершенно оторван.

Между тем, даже история литературы с уклоном в библиографию была неприемлема для идеологов революционной демократии, видевших в таком уклоне подмену принципиальных задач литературной критики, которую они, наоборот, стремились сблизить с публицистикой, сделать основным средством идейного воспитания общества. Свое первое выступление в «Современнике» Добролюбов начал с осуждения «библиографической критики»: «Она занимается фактами, она собирает факты,— а что ей за дело до выводов! Выводы делайте сами... Результаты поистине блистательные! Можно надеяться, что далеко уйдет с ними молодое поколение. Много эта критика сообщает ему живых воззрений, много породит отрадных, прекрасных явлений в области умственной жизни, много подействует на развитие общества!.. Наполняя литературу указателями, основывая свою славу на составлении указателей, они смело будут говорить всей России: вот где истинное ученое достоинство, вот где основательные, дельные труды, заслуживающие бессмертия в потомстве!»²⁶

Это метило прямо в Геннади: именно он может быть назван наиболее законченным представителем такого библиографического крохоборчества, именно он в изобилии составлял указатели (хотя и не «собачьих кличек», как издевался Некрасов): шесть годовых указателей «географических, этнографических и статистических статей, помещенных в Губернских Ведомостях», три указателя «исторических статей и материалов, помещенных в Губернских Ведомостях», и ряд других «указателей», «указаний» и «списков».

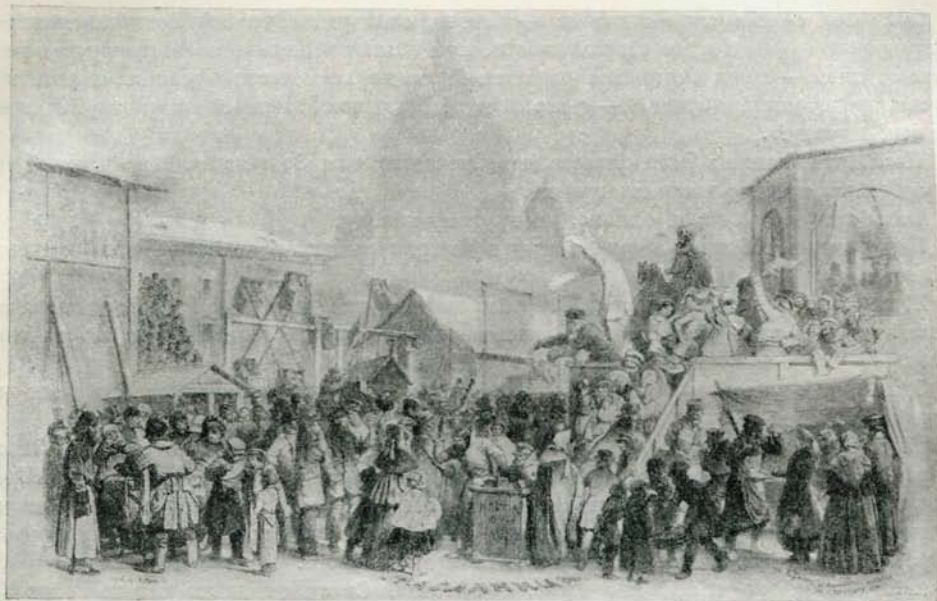
«Списки» эти подчас оказывались неудовлетворительными, так как Геннади не отличался особенным терпением и трудолюбием. Получил анекдотическую известность составленный им «Список сочинений Гоголя»²⁷, в котором были пропущены «Мертвые души». Этот случай дал Некрасову сюжет для его «Литературной травли, или Раздраженного библиографа» («Свисток», № 7):

Шекспировских творений
Составил полный список,
Без важных упущений
И без больших описок.
Всего-то две ошибки
Открыли журналисты,
Как их умы ни гибки,
Как перья ни речисты:
Какую-то Заиру
Позднейшего поэта
Я приписал Шекспиру
Да пропустил Гамлета.

Предпринятое Геннади издание сочинений Пушкина, исполненное небрежно и неумело, было встречено единодушным порицанием критики. Наиболее ярким выражением общего недовольства явилась процитированная в фельетоне Некрасова эпиграмма С. А. Соболевского:

О жертва бедная двух адовых исчадий:
Тебя убил Дантес и издает Геннади!²⁸

Неудачны были и другие издательские предприятия Геннади: «Жизнь Ваньки Каина, им самим рассказанная. Новое издание Григория Книжника»²⁹ (СПб., 1859) и «Эротические стихотворения русских поэтов. Собрал Григорий Книжник» (СПб., 1860), упоминаемые в фельетоне Некрасова и встреченные в «Современнике» уничтожающими отзывами.

МАСЛЕНИЦА

Автолитография В. Тимма

В правом углу надпись: «Рисовал В. Тимм на Исаакиевской площади в С.-Петербурге. 1858»

«Русский Художественный листок В. Тимма», 1858 г., № 4.

Нетерпимо отрицательное отношение «Современника» к трудам незадачливого Григория Книжника было, повидимому, связано также с отрицательной оценкой самого Геннади как человека и гражданина.

Социальный облик Геннади был ясен и не вызывал симпатий: барич, с аристократическими замашками, богатый наследник (у отца — 20 тысяч десятин), диллетантски забавляющийся библиографией, — именно таким изобразил его Некрасов в «Литературной травле...». Еще более ненавистной была личная черта этого барича, которую его биограф определил кратко и ясно: «любострастие его не знало никаких границ»³⁰. См. рецензии «Современника» на издание Геннади «Эротические стихотворения русских поэтов», где эротика умышленно отождествлена со сладострастием и бульварной порнографией: «Теперь почтенный книжник, от разбоя переходя к сладострастию, издал...» и т. д., и ниже: «По шарлатанству своему книжонка эта принадлежит к тому же роду, как «Правда о мужчине и женщине», «Атака женских сердец», «Улика пылких женщин» и пр.» («Современник» 1860, № 4, библиография, 403—406).

5

В седьмом номере «Свистка» произведения Некрасова играли ведущую роль.

Фельетон «Вместо предисловия о шрифтах вообще и о мелком в особенности» был заполнен легкой полемикой — преимущественно с «Русским Вестником». Это была обычная журнальная полемика («на коммерческой подкладке», пресловутое «битье по карману»). Некрасов говорил о несвоевременном выходе книжек и по этому поводу, в особом стихотворении «Разговор в журнальной конторе», сравнивал «Русский Вестник» с «Москвитянином»; высмеивал неудобный для читателя новый шрифт; намекал, что читатели недовольны слабыми статьями этого журнала.

Принципиальный интерес имела общая оценка «Русского Вестника» как поставщика массового, обывательского либерализма. Изображая какого-то пожилого господина, раздраженного неудобным шрифтом, Некрасов писал: «И вот каковы люди! Пять лет этот человек был жарким поклонником «Русского Вестника», он почерпал оттуда свои

убеждения, свои высшие взгляды, — короче: свой ум. «Русский Вестник» помогал ему держаться на высоте современности, как и многим, внезапно застигнутым этим требованием, — и вот ничтожное разветвление в верхней части буквы л, ничтожный усик, приделанный к букве ь, — и все забыто! Приязнь обратилась во вражду! О люди! о век! о время!».

Несколько шпилек было адресовано «Отечественным Запискам», журналу, «богатому опытностью по части программ».

Фельетон был написан, однако, по другому поводу.

Центральным событием журналистики того времени было появление нового журнала «Время».

Журнал имел большой успех; направление его, еще не определившееся, казалось независимым и прогрессивным, и «Современник» был заинтересован в том, чтобы установить с ним идейный контакт.

Однако уже в первом номере «Времени» можно было уловить подозрительные и неприятные нотки.

«Посторонний сатирик» (А. Ф. Писемский), полемизируя с «Отечественными Записками», стремившимися «остановить свист», говорил в своем «письме» в редакцию «Времени»: «Пусть себе свищут! Если свист будет кстати, общество, к которому вы вызываете о приостановлении его, будет в выигрыше. Если же он окажется дурным, то, поверьте, он сам собою прекратится: само общество прекратит его.

...Не понимаю, о чем вы хлопочете. Знаменитый Свисток едва ли уже не покончил своего существования. По крайней мере, редакция Современника в объявлении об издании своего журнала на 1861 год необыкновенно робко и то в выноске и мелким шрифтом упоминает о нем. А далеко ли то время, когда она с гордостью считала Свисток своим важнейшим отделом, употребляя на него лучшие свои силы?»³¹.

Редакция «Современника» справедливо усмотрела в этой двусмысленной защите «свиста» элемент несомненного недоброжелательства, тем более, что в качестве примера «свиста», ликвидирующего самого себя, в одном ряду со «Свистком» «Современника» Писемский упоминал фельетоны Булгарина, который «свистал бывало каждую субботу и досвистался до того, что убил в общем мнении свою газету».

Некрасов счел необходимым немедленно в шуточной форме поставить это на вид редакции «Времени», очевидно надеясь, что она сумеет преодолеть реакционные элементы в своей среде. Подобную же тактику «разделения» пробовал ранее применить и Чернышевский по отношению к «Русской Беседе», противопоставляя всем ее сотрудникам реакционное выступление Третья Филиппова («Заметки о журналах», 1856).

«Доказав свою невинность, — так заканчивается фельетон, — «Свисток» спешит уверить новый журнал, что нисколько не сердится за опрометчивое его суждение. Напротив, «Время» ему понравилось, и он, как восторженный юноша, не умеющий скрывать своих чувств, сложил ему гимн, который и печатает теперь с большим удовольствием».

Далее следовал «Гимн «Времени», новому журналу, издаваемому М. Достоевским».

В редакции «Времени» он был справедливо расценен как дружеское приветствие «Современника». «Его привет, — писал впоследствии по этому поводу Страхов, — был действительно всяких объявлений».

Стихотворение Некрасова «Финансовые соображения»³² было посвящено экономическому кризису конца 50-х — начала 60-х годов, всеобщим толкам о безденежье, что оживленно комментировалось в тогдашней прессе³³. «Еще ранее на эту злободневную тему отзывался Добролюбов в своей статье «Мысли о дороговизне вообще и о дороговизне мяса в особенности» («Свисток» № 2, «Современник» 1859, № 4). Торговый, промышленный и финансовый кризис потрясал в те годы всю экономику России.

Царь дурит — народу горюшко!
Точит русскую казну,—

писал Некрасов о Крымской войне 1854—1855 гг. Действительно, эта война внесла глубокое расстройство в русские финансы; царское правительство покрывало дефицит беспрецедентным расширением эмиссии; 400 миллионов бумажных денег, выпущенных

для покрытия военных расходов, создали в 1855—1856 гг. искусственное промышленное оживление, дутый экономический расцвет, который уже в 1858—1859 гг. перешел во «всеобщий промышленный и коммерческий застой, дающий положению дел... характер кризиса», как признавались тогда даже официозные экономисты³⁴.

Всеобщее отсутствие кредита ощущалось особенно резко «после недавнего финансового «процветания», которое развило привычку к роскоши у привилегированного столичного общества, о чем пишет Некрасов в «Финансовых соображениях»³⁵.

Смысл стихотворения Некрасова «Литературная травля, или Раздраженный библиограф» достаточно ясен после того, что сказано выше по поводу фельетона «Г. Геннадий, исправляющий Пушкина».

Стихотворение «Мысли журналиста при чтении программы, обещающей не шадить литературных авторитетов» относится к объявлению о подписке на журнал «Время».

АЛЕКСАНДРИНСКИЙ ТЕАТР

Литография с рисунка Андре Дюрана, 1840-е гг.

где говорилось: «Мы решились основать журнал, вполне независимый от литературных авторитетов — несмотря на наше уважение к ним — с полным и самым смелым обличением всех литературных странностей нашего времени. Обличение это мы принимаем из глубочайшего уважения к русской литературе. Наш журнал не будет иметь никаких нелитературных антипатий и пристрастий»³⁶.

Следующий, восьмой номер, вышедший в январе 1862 г., повидимому, составлялся без участия Некрасова; в него вошли произведения Добролюбова, Чернышевского, Г. З. Елисеева и М. А. Воронова.

В последнем, девятом номере («Современник» 1863, № 4), в котором значительное участие принял Щедрин, появились три стихотворения Некрасова: «Вступительное слово «Свистка» к читателям», «Песня об «Очерках» и «Мое желание. Романс господина, обиженного литературой». Все эти стихотворения входят в собрание сочинений Некрасова и комментированы К. Чуковским.

На этом заканчивается наш очерк работы Некрасова в «Свистке».

«Свисток» прекратился на девятом номере, но «свистковская линия» в творчестве Некрасова в какой-то мере продолжалась, развиваясь и углубляясь.

Не говоря о случайных, не очень значительных произведениях (как, например, «Легенда о некоем покаившемся старце» — 1865, «Притча о Киселе» — 1867 или «Притча» — 1870), таким развитием линии «Свистка» можно считать известный сатирический цикл «Песни о свободном слове» (1865) и обозрение «Современники» (1875).

Сатира Некрасова началась в 40-е годы юмористическими стишками «провинциального подьячего Феклиста Боба» и «Записками петербургского жителя А. Ф. Белопяткина», расцвела в фельетонах «Свистка» и дала зрелый плод в предсмертной «трагикомедии», обличившей «геров нашего времени».

В нашу публикацию входят напечатанные в «Свистке» произведения Некрасова, за исключением хорошо известных и не раз перепечатывавшихся в собраниях сочинений: трагедии «Забракованные», «Дружеской переписки Москвы с Петербургом», «Литературной травли», «Мыслей журналиста», «Вступительного слова «Свистка» к читателям», «Песни об очерках» и «Моего желания», а также «Развязки диспута 19 марта», входившей в собрание сочинений Добролюбова.

Все разъяснения отдельных намеков отнесены в комментарии за текстом.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ См. в настоящем томе: «Автобиографии Некрасова», 153. Ср. «Отечественные Записки» 1878, № 6, 98.

² См. в настоящем томе: «Автобиографии Некрасова», 153.

³ «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова», М., 1890, 513 и 522.

⁴ То же, несмотря на опубликованное им же письмо Добролюбова к Бордюгову, подтверждал и Чернышевский. Перепечатывая «Дружескую переписку» в посмертном издании сочинений Добролюбова, он в примечании указывал: «Стихотворения, к которым написал Добролюбов это предисловие и библиографические примечания, написаны не им» (IV, 468). То же — в его письме к А. Н. Пыпину от 1 ноября 1886 г.: «Ты спрашиваешь, действительно ли стихотворение «Москва и Петербург» принадлежит Некрасову, а не Добролюбову. Действительно, да; оно принадлежит Некрасову» («Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие», М.—Л., 1930, III, 191).

⁵ Сохранился цензурский корректура стихотворений Козьмы Пруткова, свидетельствующая о редакционном участии Некрасова в четвертом номере «Свистка». На полосе тиснутой стихотворения «Философ в бане», «Новогреческая песнь», «От Козьмы Пруткова к читателю в минуту откровенности и раскаяния» и «К месту печати. М. П.». Некрасов, выделив первое стихотворение для помещения в очередном номере, отчеркнул три остальных и написал на полях: «Оставить до след<ующего> №». На обороте — надпись Добролюбова; «№3. Обертку мне пришлите поправленную, а главное Некрасову. Н. Д.» (ИЛИ, фонд 250, оп. 2).

⁶ В тексте примечания — по вине ли самого Гербеля или в результате опечатки — заглавие указано неверно: «Заброшенные». Этого было достаточно для того, чтобы В. Дернова исключила пьесу из списка произведений Некрасова. «Сообщение Гербеля, — пишет она, — ...не подтвердилось относительно стих. «Заброшенные». На указанном месте напечатана трагедия Чурмена «Забракованные» («Некрасовский сборник», П., 1918, 175).

⁷ Н. Добролюбов, Полное собрание сочинений. М., 1939, VI, 723.

⁸ Н. Добролюбов, Полн. собр. соч., под ред. М. Лемке, IV, 540—543.

⁹ «Звенья», М., 1935, V, 483.

¹⁰ Принадлежность этого блестящего фельетона Некрасову подтверждается как жанром — письмом, написанное от лица наивного провинциала (ср. хотя бы некрасовский же фельетон 40-х годов — «Письмо *** помещика». — «Литературная Газета» 1844, № 15), — так и связью его со стихотворением Некрасова, помещенным в следующем номере «Свистка»: «Литературная травля, или Раздраженный библиограф», где Некрасов нападает на того же злополучного библиографа Геннади.

¹¹ Намек на статьи Чернышевского «Июльская монархия и политика» («Современник», № 5) и Ю. Жуковского «Из человеческой правды и нравственности» (там же), разобранные в том же докладе.

¹² Цензурное дело Главного управления цензуры № 285 начато 28 июня 1860 г.; цитирую по кн. В. Евгеньева-Максимова: «„Современник“ при Чернышевском и Добролюбове», Л., 1936, 431 и 426, сноски.

¹³ Справку о возникшей по этому поводу полемики см. в комментарии С. Рейсера к письму Добролюбова. — Н. Добролюбов, Полн. собр. соч., М., 1939, VI, 702—703.

¹⁴ Такая «заграничная» основа не помешала (а скорее помогла) Добролюбову создать произведения, публицистически направленные на критику русской действительности, а также пародировать в них стихотворения официозных русских поэтов.

¹⁵ «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова», М., 1890, 592.

¹⁶ Там же, 607.

¹⁷ Там же, 708.

¹⁸ Ср. в письме Чернышевского Добролюбову от 10 ноября 1860 г.: «Цензура... не пропустила „Свистка“». («Переписка Н. Г. Чернышевского...», под ред. Н. К. Пиксанова, М., 1925, 82).

¹⁹ В Институте литературы АН сохранилась цензурская корректура шестого номера, подписанная к печати 17 декабря 1860 г. и содержащая только «Причины долгого молчания Свистка», цикл «Что поделывает наша внутренняя гласность?» и добролюбовское «Новое стихотворение Аполлона Капелькина». Таким образом, «Два графа» и «Неаполитанские стихотворения» были вставлены позднее, перед самым выходом номера. Также лишь потом был присоединен фельетон Некрасова о Геннади.

В корректуре два цензурских вычерка: в заметке «Шестнадцать гусей», в словах жулика-адвоката — «Я службу свою начал денщиком при дворе» вычеркнуто: «при дворе»; в заметке «Состояние образованности в Камышине», после слов: «...это, без сомнения, будет благодарственный адрес г. г. Далю, Бланку, Беллюстину» вычеркнуто: «и... кому-нибудь еще, потому что нельзя же думать, чтобы г-ном Беллюстиным и кончилось».

²⁰ Именно, от слов: «Господин Ржевский может теперь...» — до слов: «...свои трансцендентальные теории о веществе»; от слов «Новый Век...» — до: «...их приветствовать»; и от слов: «...он от себя будет говорить немного» — до конца.

²¹ Давно пора рассеять недоразумение, связанное с этой записью. Влад. Княжнин, в своем описании архива Добролюбова, публикуя текст записи, характеризовал ее следующими словами: «Писано рукою Д—ва. Этот набросок — одна из попыток совместного — Н. А. Некрасовым и Д—вым — писания сатирических стихотворений» («Временник Пушкинского Дома. 1913», СПб., 23). Предположение Княжнина о «совместном писании», ничем не обоснованное, было закреплено в некрасоведческой литературе К. И. Чуковским, который в многочисленных изданиях Некрасова под своей редакцией так описывал эту рукопись: «В копии Добролюбова приведены только три первые куплета, подписанные Некрасовым, а за ними следовали еще два, сочиненные Добролюбовым: «Кругом воров открылась масса (и т. д.)». Между первым и вторым куплетами в наброске Некрасова были такие строки: «Клейнмихель прочь, Перовский умер... нумер» (Н е к р а с о в, Полное собрание сочинений, изд. «Academia», М.—Л., 1934, I, 744). Таким образом, К. Чуковскому уже известно, какие стихи сочинил Некрасов, а какие — Добролюбов. Все это, однако, является недоразумением. Описание К. Чуковского (который, возможно, имел в своем распоряжении только публикацию Княжнина) очень неточно и поэтому дезориентирует читателя. Можно подумать, что копия подписана рукой Некрасова и что два «сочиненные Добролюбовым» куплета являются продолжением основного, подписанного Некрасовым текста («наброска Некрасова»).

В действительности, весь документ, в том числе и фамилия Некрасова написан рукой Добролюбова; два четверостишия являются не продолжением текста, а вставкой после двенадцатого стиха, что точно обозначено знаком вставки; если эту вставку осуществить, то подпись Некрасова будет относиться ко всему тексту. Никаких других следов совместного творчества нет, и говорить о нем нет оснований.

Повидимому, Добролюбов записывал стихи Некрасова на память, не все куплеты подряд, отмечая знаком тире повторяющиеся рефрены или вспоминая только рифмы; вспоминая дополнительно два четверостишия, он записал их на свободном месте внизу. В окончательный текст они не вошли, повидимому, потому, что были наименее цензурными:

Кругом воров открылась масса,
Повсюду ложь, обман и зло,
Лишь первые четыре класса
Остались чисты, как стекло.
Мужик не вынут из-под пресса,
Но уж программа издана.
Как быстро по пути прогресса
Шагает русская страна!

Такие стихи печатать было немислимо.

²² «Биржевые Ведомости» 1898, № 208, от 1 августа.

²³ Н. Д о б р о л ю б о в, Полн. собр. соч., М., 1937, IV, 402—403 («Путешествие на Амур»; см. там же исторический комментарий А. В. Предтеченского, 539—541).

²⁴ Существенно то, что эта статейка свидетельствует о вражде к просвещению в среде привилегированного провинциального общества, а не в среде народа.

²⁵ Григорий Николаевич Геннади (1826—1880) — известный библиограф и библиофил. Сын богатого помещика, Геннади, по собственному признанию, «занимался библиографией не по необходимости, а просто из любви к искусству». Его работы

изобиловали промахами. Однако, несмотря на неточность, некоторые позднейшие работы Геннади имели для своего времени капитальное значение и до сих пор не утратили своей ценности; достаточно назвать «Справочный словарь о русских писателях и ученых», Берлин, 1876, I, и «Русские книжные редкости», СПб., 1872. В 1859—1860 гг. под ред. Геннади вышло собрание сочинений Пушкина, повторенное в 1869—1871 гг. Текст этих изданий оказался ненадежным. Исчерпывающий список работ Геннади и биографические сведения о нем см. в книге: У. И в а с к, Григорий Николаевич Геннади. Обзор жизни и трудов, М., 1913.

²⁶ Н. Д о б р о л ю б о в, Полн. собр. соч., М., 1934, I, 30 («Собеседник любителей русского слова»).

²⁷ «Отечественные Записки» 1853, № 9, отд. VII, 29—35.

²⁸ С. С о б о л е в с к и й, Эпиграммы и экспромты, М., 1912. Ср. еще его же эпигramму «Воюющая несправедливость».

²⁹ Григорий Книжник — псевдоним Геннади.

³⁰ Этому была посвящена эпиграмма Соболевского:

Когда я был Аркадским принцем,
Я предрассудков не был раб!
Забыв свой сан, я разnochиндем
...девок всяких, всяких баб!
Далась кухарка мне Агафья,
Давалась прачка, тем гордясь!!!
И лишь одна библиографья,
Что с ней ни делал, не далась.

Далее биограф сообщает, что в имении отца Геннади было два барских дома, один из которых «получил специальное предназначение для интимных по характеру, но очень открытых для всех, вечеров. Здесь постоянно происходили не поддающиеся описанию оргии, в которых отец и сын соперничали в изобретательности» (У. И в а с к, цит. соч., 7).

³¹ «Время» 1861, № 1. Критическое обозрение, 60.

³² Сохранилась цензурская корректура, на одном листе стихотворения. В стихе шестом некрасовского стихотворения цензор вычеркнул слово «финансовый», и Некрасов заменил его словом «невидимый»; стих «Денег было всегда не обильно» он исправил: «Деньги были всегда не обильны» и подписался: «Угличский старожил».

³³ Ср. целый поток брошюр с характерными заглавиями: «Два современных вопроса: безденежье и дороговизна», СПб., 1860; «Причины нынешнего безденежья и средства к ослаблению их действия» — Н. Тарасенко-Отрешков, СПб. 1861; «Наше безденежье» — А. Красильников, СПб., 1864; «Мысли, как нам избавиться от безденежья» — И. Лихачев, СПб., 1865. В каждой из этих брошюр констатируется: «Ныне повсеместно слышны в России сетования на «безденежье» — из брошюры Тарасенко-Отрешкова; «отовсюду слышатся «нескончаемые жалобы на недостаток денег» — из брошюры А. Красильникова, и т. п.

³⁴ Один из таких экономистов, В. Безобразов, характеризуя тогдашний кризис, констатировал следующие его черты: «Недостаток сбыта, накопление непроданных товаров, трудность и медленность всех денежных оборотов, ...невозможность отыскания капиталов за самые высокие проценты и под лучшие обязательства... и, наконец, всеобщее б е з д е н е ж ь е <разрядка моя; под безденежеством понималось не только отсутствие капиталов и кредита, но и недостаток монеты в обращении. — А. М.>, которое составляет главный и почти исключительный предмет жалоб во всех классах русского общества и на всех концах России» (В. Б е з о б р а з о в, О некоторых явлениях денежного обращения в России, М., 1863, ч. II, 24).

³⁵ О той же роскоши Некрасов писал также в «Балете»:

Есть в России еще миллионы,
Стоит только на ложи взглянуть,
Где уселись банкирские жены —
Сотни тысяч рублей, что ни грудь!

Тешить жен — богачам не забота.
Им простибельна всякая блажь.
Но прискорбно душе патриота,
Что чиновницы рвутся туда ж.
Марья Савишна! Вы бы надели
Платье проще!

Сильное развитие роскоши, являющееся одной из причин преувеличенной потребности в деньгах, отмечается и в упомянутых выше брошюрах (ср. еще А. Ш и п о в, О недостатке денежных знаков в обращении народном, и т. д. СПб., 1861, 8).

³⁶ «Московские Ведомости» 1860, № 272, 27 октября.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ НЕКРАСОВА В «СВИСТКЕ»

<1>

ОТЪЕЗЖАЮЩИМ ЗА ГРАНИЦУ

Призвание С в и с т к а широко: он должен улаживать слух почтенной публики, остающейся дома, и может сопровождать приличными звуками отъезжающих за границу. Он это понимает, но на последнее он решится только тогда, когда сам побывает в Европе и посмотрит, в какой мере и с какой стороны почтенные наши сограждане, там проживающие, заслуживают свиста. А между тем теперь всё едет за границу; места в почтовых экипажах забраны за два месяца вперед; на пароходах давка.

ВИД ДОМА А. А. КРАЕВСКОГО НА УГЛУ ЛИТЕЙНОГО ПРОСПЕКТА
И БАСЕЙНОЙ УЛИЦЫ В 1858 г.

Из альбома акварелей Ф. Баганца, 1858—1860 гг.

Музей истории и развития Ленинграда

Не сказать ничего этим почтенным людям, покидающим отечество, а, следовательно, нуждающимся в утешении — было бы не хорошо. И мы очень рады, что подвернулся человек, который прислал нам свой «Первый шаг в Европу». Стихотворение, как видно, писано уже несколько лет тому назад, но благая мысль, руководившая почтенным автором, понятна без объяснений: ее можно перевести известной нашей пословицей: «в чужой монастырь со своим уставом не ходят». Но не в мысли дело, в произведении так написанном могло бы и вовсе не быть мысли и все-таки оно было бы превосходно: так необыкновенна его форма! Это что-то дантовское. Давно уже решено, что мы имеем великих писателей по всем отраслям и во всех родах, но русского Данта еще не было. Пушкин написал несколько подражаний Данту, но это не более как попытка. Майков несколько удачнее воспроизвел манеру Данта в своем «Отрывке»¹, но пальму первенства в этом роде мы решительно даем автору «Первого шага». Жизненность содержания дает ему силу, пусть читатель сам судит...

ПЕРВЫЙ ШАГ В ЕВРОПУ

Письмо первое

Как дядю моего Ивана Ильича
Нечаянно сразил удар паралича
В его наследственном имении Корсунском,—

Я памятник ему воздвигнул сгоряча,
А души заложил в совете опекунском.

Мои домашние, особенно жена,
Пристали: «жизнь для нас на родине скучна»;
Кто: «ангел!» кто: «злодей! вези нас за границу!»

Я крикнул старосту Ивана Кузьмина,
Именье сдал ему и — укатил в столицу.

В столице получив немедленно паспорт,
Я сел на пароход и уронил за борт
Горячую слезу, невольный дар отчизне...

«Утешься,— прошептал нас увлекавший чорт,—
Отраду ты найдешь в немецкой дешевизне»—

И я утешился... И тут уж не долга
Развязка мрачная: минули мы берега
Священной родины, минули Свиномюнде,

Приехали в Берлин — и обрели врага
В Луизе-Августе-Фернанде-Кунигунде.

Так горничная тварь в гостинице звалась.
Но я предупредить обязан прежде вас,
Что Лидия — моя дражайшая супруга —

Ужасно горяча: как будто родилась
Под небом Африки; в ней дышут страсти юга!

В отечестве она не знала им узды:
Покорно ей вручив правления бразды,
Я скоро подчинил ей волю и рассудок

(В сочельник крошки в рот не брал я до звезды,
Хоть голоду терпеть не может мой желудок),

И всяк за мною вслед во всем ей потакал,
Противоречием никто не раздражал
Из опасенья слез, трагических истерик...

В гостинице едва я умываться стал,
Вдруг слышу: Лидия бушует словно Терек.

Я бросился туда. Вот что случилось с ней...
О ужас! о позор! В небрежности своей
Луиза Лидию с дороги раздевая,

Царапнула слегка булавкой шею ей,
А Лидия моя, не долго размышляя, ...

Но что тут говорить? Тут нужны не слова,
Тут громы нужны бы... Недвижна, чуть жива
Стояла Лидия в какой-то думе новой.

Растрепана коса, поникла голова:
«На натиск пламенный ей был отпор суровой!..» ²

Слова моей жены: «О, друг, Иван Ильич!»
Мне вспомнились тогда: «здесь грубость, мрак и дичь,
Здесь жить я не могу — вези меня в Европу!»

Ах! лучше б, душечка, в деревне девок стричь
Да надирать виски безгласному холопу!

И тяжко я вздохнул о родине моей...

.

Более нет ничего. Но судя по тому, что в начале означено: п и с ь м о п е р в о е, мы вправе надеяться продолжения. Жаль, что автор не выставил своего имени: любопытно бы знать, кому принадлежит такое дарование. Но, с другой стороны, как подумаешь, то увидишь, что он и не мог выставить имени. Он уже и так принес большую жертву гласности обнаружением факта, и, таким образом, кроме литературного достоинства, произведение его имеет цену общественной заслуги.

«Свисток» радуется, что ему удалось напечатать такую вещь, в которой счастливо сочетались оба эти качества.

«Современник» 1860, № 5, «Свисток» № 5, 35—37; без подписи

<2>

КЮВЬЕ — В ВИДЕ ЧАЦКИНА И ГОРВИЦА

В № 67 «С.-Петербургских Ведомостей», 25 марта, то-есть ровно через шесть дней после диспута гг. Погодина и Костомарова ³, появилась восторженная статейка г. Северцова ⁴, в которой между прочим было сказано:

«Кювье, тридцать лет направлявший беспремерно до тех пор быстрые успехи зоологии, объявил, что предел назначен, что наука век должна оставаться на этой же степени развития, только обогащаясь подробностями. Жофруа Сент-Илер отстоял начатый им, теперь уже сделанный, новый шаг науки, и мы видим для нее, благодаря этому протесту против осуждения на застой, хоть бы великим Кювье, такую необъятную будущность. что сведения, удвоенные против казавшихся почти окончательными в 1830 году, теперь являются слабым началом дальнейшего развития. Этот плодотворный протест против застоя был, как нам показалось... и проч.».

Это было сказано собственно не в обиду Кювье или кому-нибудь, статейка имеет тон восторженный, до обиды ли тут? — а в похвалу настоящему времени, когда... когда происходят такие явления, как диспут гг. Погодина и Костомарова, который очень понравился г. Северцову. Однако три академика, гг. Бэр, Брандт и Миддендорф, поняли дело иначе и через три дня (заметьте, какая поспешность — тотчас видно, что вопрос нешуточный, не то, что дело о двух тысячах голодающих и мрущих рабочих, в котором г. Кокорев допускал паузы по месяцу и более) ⁵, именно 29 марта, поместили в 69 № «С.-Пб. Ведомостей» следующий протест:

ПРОТЕСТ ПРОТИВ НАПАДКИ НА КЮВЬЕ

«В № 67 «Санктпетербургских Ведомостей» нынешнего года, в фельетонной статье: Два слова о диспуте гг. Погодина и Костомарова, автор ее приписывает великому Кювье, будто он объявлял: что предел успехам зоологии назначен, что наука век должна оставаться на той же степени развития, только обогащаясь подробностями, и что Жюфруа де Сент-Илер успешно протестовал против такого осуждения на застой, произнесенного великим Кювье.

Мы, нижеподписавшиеся, считаем долгом торжественно объявить, что заключающееся в этих словах обвинение прямо противоречит всему духу творений Кювье и что мы с сожалением видим такие слишком неосторожные отзывы, оскорбляющие память великих преобразователей науки. Даже если бы у гениального естествоиспытателя случайно когда-либо вырвались подобные выражения, то не должно пользоваться ими, чтобы вводить публику в заблуждение относительно значения Кювье в истории науки.

Бэр, Брандт, Миддендорф.

«Свисток», некогда пришедший в умиление от протеста против г. Зотова в пользу гг. Чацкого и Горвица ⁶, не мог не умилиться этим новым протестом, не мог не воскликнуть:

О, гласность русская! ты быстро зашагала,
Как бы в востороженном каком-то забытье:
Живого Чацкого ты прежде защищала,
А ныне добралась до мертвого Кювье.

И хорошо, очень хорошо вышло! Кювье человек мертвый, — ему ничего: у всякого достанет ума сообразить, что и почему с ним делают: умер, защищаться не может, так вот его и защищают. Если посмотрим с другой стороны, то и г. Северцову тоже ничего: он выскользнул из рук диких коканцев и жив остался, так что ему три академика? Словом, очень хорошо, безобидно вышло, — так хорошо, что мы не отдали бы нового протеста за десять зотовских, не отдали бы ни за что, разве

За спор о Свечиной Каткова
с Евгениею Тур! ⁷

<«Современник» 1860, № 5, «Свисток» № 5, 38—39; без подписи>

<3>

ПРИЧИНЫ ДОЛГОГО МОЛЧАНИЯ СВИСТКА

Всякий раз, когда «Свистку» случалось замолчать на долгое время, об нем распространялся в публике один и тот же слух, повторяемый очень многими с сердечным удовольствием, иными с искренним соболезнованием, что «Свисток» умер! Так было и ныне, — даже придумали очень правдоподобную причину его смерти: говорили, что «Свисток» скончался, убитый находчивостью г. Краевского, который отвлек будто бы (именно с этим намерением) все рабочие литературные силы к составлению статей для «Энциклопедического Словаря» ⁸. Как ни остроумно это предположение, наступило время уведомить публику, что оно неверно. «Свисток» жив, и для объяснения долгого своего молчания имеет достаточно причин. Мы могли бы и умолчать о них, потому что если, по словам гг. Кокарева и Бенардаки ⁹, «в делах коммерческих должна быть неизбежная часть тайны», то почему же не быть ей и в делах литературных — особенно, если при этом не спрашивается с подписчиков никаких добавочных сумм! Но мы не хотим

ОБЛОЖКА АЛЬБОМА «РИСУНКИ
К СТИХОТВОРЕНИЯМ
Н. А. НЕКРАСОВА»

Тетрадь I, СПб., 1865 г.

Автолитография Н. В. Певлева

РИСУНКИ

К СТИХОТВОРЕНИЯМ

Н. А. НЕКРАСОВА

Тетрадь I.

Иллюстрация к альбому «Рисунки к стихотворениям Н. А. Некрасова»

тайны, и объявляем, что главнейшею причиною молчанья «Свистка» были скромность и благонаравие, свойственные его юному возрасту. Он молчал, потому что не хотел говорить о самом себе. Назвавшись собранием литературных и журнальных заметок, он, естественно, должен был касаться литературы и журналистики, а журналистика последнего времени, как известно читателям, только и занималась «Свистком». Уже одного страха, чтоб не показалось кому-нибудь, что «Свисток» нисходит до оправданий против таких личностей и талантов, какие почтили его своим вниманием, — достаточно было бы, чтоб заставить его молчать; но к этому присоединилось обстоятельство, более важное и прискорбное, — разочарование начинает чувствовать «Свисток»! Так скоро? — спросит читатель. — Увы! так скоро. Давно ли, полный юных сил, надежды и стремлений, считал он деятельность свою чем-то необходимым и благотворным? давно ли все его занимало, —

Все волновало юный ум?¹⁰

на что только не отзывался он своим свистом, то кротким и умиленным, то негодующим? А теперь слава его не занимает: полезность деятельности своей считает он сомнительною, важность обличения разных литературных глупостей и низостей отрицает; капитальный труд свой «О вреде людоедства», которым занимался он в часы досуга, надеясь упрочить им свое имя в литературе и благотворно подействовать на убеждения современников, — он бросил на половине! Увы! увy! с ним случилось то же, что случается со всеми юношами нашего поколения...

В начале жизни гордо мы глядим
В широкий путь, открытый перед нами.
И первыми горячими трудами
Блестящие надежды подадим...¹¹

А потом? Потом следует то, что произошло со мною в сию минуту. Начал я свою мысль стихами (и читатели отдадут справедливость, что они не дурны), но сил у меня не хватает или, вернее, не хватает энергии потрудиться лишние полчаса, и я доканчиваю ее прозой. Нет, я и прозой доканчивать ее не буду, потому что она и так понятна, а если и не понятна кому, то что за беда: кто от этого проиграет? Никто. А я выиграю — выиграю полчаса времени, которое употреблю хоть на чищение ногтей. Горе, когда человека начинают посещать такие соображения, — не свищется ему. Даже такой факт, как появление статейки г. Беллюстина о вреде грамотности¹², не задирает его за живое; а уж г. Дзюбин, объясняющий побег рабочих с Волжско-Донской железной дороги «привлекательностью высокой платы за уборку хлеба и сена», тогда как г. Смирнов объясняет тот же факт проделками и притеснениями приказчиков подрядчика¹³, — г. Дзюбин так даже и впечатления малейшего не производит. Что ж ему после того полтавские дворяне¹⁴, что споры о том, должно ли назначить жалованье предводителям или не должно? Что ему объявление г-жи Евгении Тур об издании «Русской Речи» и «заметка» «Русского Вестника» на это объявление, и ответ г-жи Тур, и новая заметка «Русского Вестника»? Господин Ржевский¹⁵ может теперь, отделивши кадастровых чиновников, профессоров и экзаминаторов, и указавши способы развития пролетариата, может хлопотать о способах сокращать университетские штаты: г. Краевский может издавать или не издавать «Энциклопедический Лексикон»; г-жа Каролина Павлова и г. Н. Греков могут, сколько угодно, перепечатывать в журналах свои старые стихотворения; г. Козлянинов может бить или не бить, по своему усмотрению, особ прекрасного пола, подвертывающихся ему под руку¹⁶; в «Русском Вестнике» могут распускаться новые цветы со старым запахом экономической деятельности; г. Летголла может уверять г. Костомарова, что он не знает ни слова по-литовски¹⁷; г. Страхов может переносить из «Светоца» в «Русский Вестник» свои трансцендентальные теории о веществе¹⁸; новый «Век»¹⁹ с новыми «Основами»²⁰ может водворяться в русской литературе, «Свисток» даже губами не пошевеливает, чтобы их приветствовать... Постигнутый разочарованием, он сделал то, что обыкновенно делают в таких случаях русские смертные: он (и вот третья и последняя причина долгого молчания «Свистка») отправился за границу, конечно, не без надежды набраться новых впечатлений и не без намерения поделиться ими с читателями. Может быть, он от себя будет говорить немного²¹, но зато он вам представит некоторые выдержки из обширной корреспонденции, которую завел он с людьми, близкими ему по сердцу и духу; зато он даст вам подлинные документы о состоянии умов в Европе, — ему только известные и доставшиеся ему из первых рук; наконец, он сообщит вам и о том, с каким достоинством держат себя в настоящих трудных обстоятельствах наши любезные соотечественники, путешествующие по Европе. Читайте же и поучайтесь плодами новой деятельности «Свистка»!

«Современник» 1860, № 12, «Свисток», № 6, 1—3; без подписи»

<4>

ЧТО ПОДЕЛЫВАЕТ НАША ВНУТРЕННЯЯ ГЛАСНОСТЬ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Друзья мои! Мы много жили,
Но мало думали о том,
В какое время мы живем,
Чему свидетелями были?

Припомним, что не без искусства
 На грамотность ударил Даль ²²—
 И обнаружил много чувства
 И остроумье, и мораль;
 Но отразил его Карнович ²³,
 И против грамоты один
 Теперь остался Беллюстин! ²⁴

Припомним: Михаил Петрович
 Звал Костомарова на бой ²⁵;
 Но диспут вышел неудачен,—
 И огорчен, уныл и мрачен
 Молчит Погодин, как немой!

Припомним, что один Громека ²⁶
 Заметно двинул нас вперед,
 Что «Русский Вестник», к чести века,
 Уж издается пятый год...
 Что в нем писали Булкин ²⁷, Ржевский ²⁸,
 Матиль ²⁹, Григорий Данилевский ³⁰...
 За публицистом публицист
 В Москве являлся вдохновенной,
 А мы пускали легкий свист
 Порой, быть может, дерзновенной...

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СТИХОТВОРЕНИЮ «УБОГАЯ И НАРЯДНАЯ»

Автолитография Н. В. Цевлева
 Альбом «Рисунки к стихотворениям
 Н. А. Некрасова»

Тетрадь I, СПб., 1865 г.

И мнил: «настала мне беда!»
 Кривдой нажившийся мздоимец.
 И спал спокойно не всегда,
 Схвативши взятку, лихоимец,
 И русский пить переставал³¹
 От Арзамаса до Украйны,
 И Кокорев публиковал,
 Что есть дела, где нужны тайны.
 Ну что ж? решить нам не дано,
 Насколько двинулись мы точно...
 Ах! верно знаем мы одно,
 Что в этом мире все непрочно,
 Где нам толкаться суждено,
 Где нам твердит memento mori
 Своею смертью «Атеней»³²,
 И ужасает нас Ристори³³
 Грозой разнuzданных страстей!

При таком настроении, явно выражающем разочарование, о котором говорено выше, «Свисток» естественно удаляется от решительных приговоров над последними фактами русской гласности, и только приводит некоторые из них, чтоб не оставлять своего читателя в неведении о ней.

ШЕСТНАДЦАТЬ ГУСЕЙ - ЖЕРТВА НАШЕЙ БЕЗГРАМОТНОСТИ

Такая уж птица гусь, историческая. Древние гуси Рим спасли, новейшие пали жертвою нашей безграмотности! И вот каким образом. Об этом повествует в «Одесском Вестнике» г. Ильминский, имея в виду собственно доказать «необходимость распространения грамотности» («Одесский Вестник» 1860, № 130). Статья его называется «Адвокат».

«Одна девица-дворянка, уроженка Каменец-Подольской губернии, приехала в г. Одессу и, на приобретенные собственными трудами деньги, купила на Новой Слободке землянку. Узнав впоследствии о смерти своих родителей в то время, когда братья и сестры ее продали оставшееся имение, а причитавшуюся ей часть оставили покупателю, для удовлетворения ее, лично, — она обратилась к соседям с просьбой, чтобы ей указали, к кому можно прибегнуть для ходатайства по ее делу. Спустя несколько дней, к ней вошел однажды чиновный человек, отрекомендовавший себя за известнейшего в России адвоката. Он заметил при этом, что слышал от соседей о нужде ее в человеке, который взял бы на себя роль ее ходатая, и так как он вполне сочувствует ее горестному положению, то с живейшим участием готов принять на себя этот труд, репутация же его как адвоката известна не только в России, но даже в целой Европе. На вопрос, где он служит, откашлявшись и приняв воинственную позу, он отвечал таким образом: «Извольте-с видеть, сударыня, я службу свою начал денщиком и, по прослужении — с 25 лет получил обер-офицерский чин. Во все время моей службы вел большую адвокатуру-с, и ходатайств моих бояться не только какие ни на есть земские суды, но даже и самые сенаты-с». Обладывая таким сильным адвокатом, она, с полной уверенностью в успехе своего дела, поручила ему вести процесс. Он тут же заметил, что с процентами ей придется получить несколько тысяч, и обязал ее условием, по выигрыше дела, уплатить ему 570 р. Начало этого дела последовало в августе месяце прошлого года.

Спустя два или три дня, он зашел к ней и увидел на дворе 16 собственных ее гусей, попросил тотчас же одного из них зажарить, и когда гусь был готов, то намекнул, что между прочим не мешало бы позаимствовать

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СТИХОТВОРЕНИЮ
«В ПОЛНОМ РАЗГАРЕ СТРА-
ДА ДЕРЕВЕНСКАЯ...»

Автолитография Н. В. Невлева

Альбом «Рисунки к стихотворениям
Н. А. Некрасова»

Тетрадь I, СПб., 1865 г.

«Что же ты стала делать, мать? Неужели?»
«На ему! Выходишь ты, дочка!»
«И неужели мать?»

полуштоф водочки. По уничтожении гуся с необходимым дополнением он подал ей счет предстоящим издержкам, добавив, что любит аккуратность. В счете было написано следующее: на прошение 3 р., на пересылку ответа по этому прошению 1 р. 33 к., на запросное отношение к ее братьям и сестрам 1 р. 33 к., и на обратный ответ 1 р. 33 к. Получив эти деньги, он вышел, но через 4 дня явился опять, изволил скушать 2-го гуся и выпить 2 полштофа вина, а уходя, снова взял деньги, по следующему счету: на уведомление о процентных деньгах на причитающийся капитал 3 р., за пересылку оттуда денег 1 р. 33 к., на квитанцию об отсылке и присылке обратно 1 р. Спустя два дня, он не замедлил явиться, утром, и, вследствие просьбы ее — истребовать ей свидетельство на свободное прожитие, уничтожил 3-го гуся и выпил два полштофа вина. Тогда же он потребовал деньги: на бланк для свидетельства 6 р., за отсылку и присылку из Каменец-Подольска 1 р. 51½ к., а по известному тяжбежному делу дал счет такого содержания: на прошение 1 р., на публикацию, дабы известно было всей России, что она имеет тяжбу, 4 р. 97½ к., и, получив деньги, сказал при уходе, что дело ее, по случаю италийской войны, маненько позадержится. Чрез 2 или 3 дня явился и сказал, что мир заключен и дело ее не за горами, а на понудительное прошение потребовал 1 р. 52½ к. и, в восторге от скорого успеха, потребовал два гуся, из коих одного съел тут же, а другого, за неимением у ней денег, взял с собой живьем. Спустя несколько дней, явился утром и объявил, что дело решено в ее пользу. На радостях он велел зажарить гуся, а сам занялся исчислением процентов на причитающийся капитал и записал эту радостную для нее весть, как он говорил, двойной порцией

спиртуозно-жизненного элексира, и в заключение всего не замедлил снова потребовать денег, в числе прочей галиматьи, на пересылку одного прошения по оптическому телеграфу. Но так как на удовлетворение этих издержек у просительницы не было денег, то он взял остальных 9 гусей живьем, а при уходе вспомнил еще о необходимом расходе на припечатание публикации в сенатских ведомостях о выигрыше ею дела и взял на пополнение этого расхода пух и перья с сожранных им гусей. Потом, через несколько дней, он явился однажды с самодовольной физиономией и со словами: «вот оно-с, что значит придворный адвокат-с», вручил ей свидетельство будто бы от г. министра финансов, полученное по телеграфу, коим он разрешил получить ей деньги. При этом он с особым значением указал на подпись. Она, действительно, была мудреная и состояла из каких-то иероглифов; самое же свидетельство было написано на гербовом листе, 15-копеечного достоинства, исписанном сверху до низу повторением одних и тех же слов, а именно: терли, терли, терли... В заключение, адвокат сказал, что ему нужны деньги, рублей 30, на последние расходы: а как у ней решительно ничего уже не было, то она, по его убеждению, продала землянку и вручила ему следующие деньги. Таким образом, в 8 посещений адвокат успел заграбить 16 гусей, пух и перья от 7 из них, около $1\frac{1}{2}$ ведра вина, 24 р. 80 $\frac{3}{4}$ к. сер. деньгами и землянку. После того, он водил ее в течение 3 месяцев по всем присутственным местам. Нередко случалось ей дожидать его до ночи у ворот присутственных мест и со слезами возвращаться потом в квартиру. Это продолжалось до тех пор, пока не прочли ей свидетельство, полученное по телеграфу ее адвокатом, и не убедили в положительном обмане. Это обстоятельство я долгом счел сделать известным для того, чтобы еще раз доказать необходимость распространения грамотности».

Вот сколько бед наделало отсутствие грамотности! Процветай она, и неизвестная девица не лишилась бы последнего имущества, шестнадцать гусей пользовались бы жизнью и неизвестный адвокат (хорош гусь!) не расстроил бы желудка, что неизбежно с ним последовало при таком непомерном истреблении гусей и водки и что — вероятно — вменилось ему в наказание за его проделку! По крайней мере из стайки не видно, чтобы обманщик потерпел какие-либо другие неприятности. Эта статейка с ее моралью может служить хорошим образчиком того, что поделявает наша внутренняя гласность. Подобными фактами наполнены газеты, с припевом, постоянным с некоторого времени: нужна грамотность! Польза грамотности доказывается иногда странным образом. «Г. Георгиевский (сказано в № 266 «Моск. Ведом.») сообщает в «Одесском Вестнике» слух о том, что славный наш писатель И. С. Тургенев прислал из-за границы в Петербург составленный им проект «В с е р о с с и й с к о г о общества для распространения в народе образования»³⁴. «В о т е щ е доказательство (говорят «Моск. Ведом.») д о к а к о й с т е п е н и все м и ч у в с т в у е т с я ...» и проч. Что ж тут удивительного, что Тургенев чувствует пользу грамотности? Читая эту фразу, иной, пожалуй, подумает, что он когда-нибудь чувствовал противное. Нужно ли говорить, что знаменитый наш романист никогда не разделял мнения гг. Даля, Бланка³⁵ и Беллюстина?

СОСТОЯНИЕ ОБРАЗОВАННОСТИ В КАМЫШИНЕ
ПО СВИДЕТЕЛЬСТВУ г. КАРПОВА

«Камышин (Саратовской губернии), 16-го ноября. В № 234 «Московских Ведомостей» напечатано письмо, в котором говорится, будто в Камышине еще с 1820 года существует публичная библиотека. Это известие крайне

удивило нас, потому что мы, жители Камышина, никогда и не слышали о существовании этой библиотеки, не знаем где она находится, кто ею заведует и в каком она теперь положении. Впрочем, хоть и прискорбно, а надо признаться, что жители Камышина не имеют надобности в библиотеке, ибо не имеют никакого интереса к чтению. Нравственная сторона нашей молодежи развита очень мало, и, конечно, не их надо винить в этом, а их отцов, которые не понимают важности образования. Такое равнодушие к духовным интересам особенно странно встретить у нас, потому что городское общество вполне обеспечено в материальном отношении и могло уделить излишек своих средств на воспитание молодого поколения. А это делают очень редкие. Чтение книг не духовного содержания считается многими делом безнравственным. О развитии у нас чтения можно судить по тому, что 250 купеческих домов выписывают в нынешнем году только 2 экземпляра «С.-Петербургских Ведомостей», 1 экз. «Московских Ведомостей», 2 экз. «Искры», 2 экз. «Семейного Листка» не модного журнала. Везде открывают училища, заботятся о народном просвещении, а у нас об этом и помину нет. Кажется, что если бы кто-нибудь и предложил открыть хоть женское училище, то поднял бы против себя целую бурю и потерял бы репутацию степенного человека. Грамотность для женщины почитается многими не только лишнею, но и вредною».

Вот так сторонущка! Как видно, камышинцы действуют начистоту: **запил — и двери запер**, по русской пословице. Зато мы теперь знаем, что прежде всего напишут они, когда научатся писать, — это, без

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СТИХОТВОРЕНИЮ «ТРОЙКА»

Автолитография Н. В. Иевлева
Альбом «Рисунки к стихотворениям»
Н. А. Некрасова

Тетрадь I, СПб., 1865 г.

Их трое: толь, саванна, трое.
Знаю, трое: толь, саванна, трое.
И трое: толь, саванна, трое.
Трое: толь, саванна, трое.

сомнения, будет благодарственный адрес гг. Далю, Бланку, Беллюстину и другим подобным, которые еще придут: по приблизительному исчислению, в России появляется в год, по крайней мере, по два печатных противника грамотности (а сколько таких, которые печатно не заявляются!), да притом, как известно, год на год не приходит. Нет, советуем камышинцам поторопиться, а то писание адреса составит труд, с которым не справятся юные начинающие грамотеи!

МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК, ИЛИ КРАСНОРЕЧИВЫЕ ПРОТИВНИКИ

Утешеньем в том, что у нас много людей безграмотных, много противников грамотности — да послужит нам то, что у нас много также людей красноречивых и что красноречивые люди наши являются не в литературе, где, казалось бы, им всего естественнее являться, а в других сферах... в каких именно сферах, читатель сейчас увидит.

В «Московских Ведомостях» № 228, было напечатано:

«На прошедшей неделе, в субботу, 15 числа, в полночь, проходя по Тверской улице вместе с моим знакомым, я услышал продолжительный, раздирающий душу детский плач, как будто бы над ребенком совершали какую-нибудь болезненную операцию.

Ночь была холодная, воздух сырой с изморозью, проникающий до костей, даже сквозь ваточное пальто. Когда мы проворно подбежали к тому месту, откуда слышался плач, то увидели бегущего ребенка 7 или 8 лет, полураздетого, без сапог, с тремя калачами на руке. Со сдержанным рыданием, подпрыгивая от холода, он объяснил мне, на мои расспросы, что он очень озяб, что у него щиплет и режет ноги, что послал его за калачами хозяин, портной Поппе, у которого он живет в учении. Вслед за ребенком, я вошел в мастерскую Поппе, но мастеровые, узнав о причине моего прихода, не вызвали ко мне хозяина. На другой день мальчик был им прогнан. Этот глубоко возмутительный, бесчеловечный факт в настоящее время, при усиленном старании правительства к улучшению быта ремесленников, мне кажется, заслуживает огласки». Подписано: «Москва, 20 октября. Е. Пациентов.»

Прочитав статейку, трудно было удержаться, чтоб не сказать, что г. Пациентов хорошо пишет, но впоследствии оказалось, что портной Поппе пишет лучше!

Формальным следствием раскрыто, что мальчик, встреченный г. Пациентовым, у портного Поппе в учениках никогда не жил. Он только ходил, по знакомству, к ученику, жившему у Поппе. Таким образом, Поппе оказался совершенно невинным как в дурном одеянии мальчика, так и в ночных его странствиях за калачами, и написал в свою очередь следующее:

«Статья г. Пациентова имела для меня чрезвычайно неприятные последствия: меня требовали в ремесленную управу, требовали в полицию, производили дознания о том, в чем я был так же невинен, как и г. Пациентов, или всякий другой; я должен был отвлекаться от работы, упускал заказы, манкировал срочными делами, беспокоился за свой кредит, за участь моего заведения, едва открытого; родные мои беспокоились обо мне, знакомые справлялись о моем деле, родители и родственники мальчиков, может быть уже решавшиеся отдать их мне в ученье, не решались на это; обо мне говорили в Москве с недоверчивостию и, вероятно, с чрезвычайно обид-

ными для личности моей прибавлениями» — и проч. и проч. и проч.

«Не оспаривая (прибавляет г. Поппе), что г. Пациентов одарен гуманностью в достаточном количестве, а, может быть, и литературными способностями в количестве громадном или сомнительном, о чем судить не могу, — я тем не менее присутствию ремесленной управы объяснить честь имею, что считаю поступок г. Пациентова оскорбительным для моей чести и вредным для моего кредита, и прошу дать делу сему гласность и законный ход, при чем присовокупляю, что никакого материального вознаграждения со стороны г. Пациентова получить не желаю».

Ремесленная управа напечатала в удовлетворение г. Поппе весь ход дела. Таким образом, нам остается только литературная сторона его; и мы охотно свидетельствуем, что соперники не уступили друг другу в красноречии.

<«Современник» 1860, № 12, «Свисток» № 6, 34—40; без подписи>

<5>

Г-Н ГЕННАДИ, ИСПРАВЛЯЮЩИЙ ПУШКИНА

(Письмо из провинции)

Милостивые государи, издатели «Свистка»!

Будучи со времен детства и до лет, ныне преклонных, глубоким читателем поэзии и преимущественно нашего родного русского слова (не того, которое издается его сиятельством графом Григорием Александровичем Кушелевым-Безбородко ³⁶, а вообще), я не смущаюсь толками о значении Пушкина, которыми занимались в последнее время в наших журналах разные критики, как-то: гг. Дудышкин, Де-Пуле, Аполлон Григорьев, Милюков и другие, — не смущаюсь и продолжаю читать произведения Пушкина и наслаждаться ими. В свое время было у меня издание на толстой серой бумаге, которым подарила русскую публику компания друзей покойного поэта ³⁷. Когда даже эта толстая серая, истинно монументальная бумага износилась от частого употребления мною книги, я приобрел издание «Сочинений Пушкина», вышедшее под редакцию почтенного критика и эстетика нашего П. В. Анненкова ³⁸. Вид экземпляра этого издания, которое я почти не выпускаю из рук, стал ныне тоже весьма плачевен. На многих страницах частью слезы чувствительности моей, частью табак (который нюхаю от слабости зрения) сделали уже нечеткими некоторые драгоценные стихи и строки; многие страницы — ибо бумага слишком тонка — истерлись и изорвались, и я подумывал уже о приобретении другого экземпляра; но меня останавливала высокая цена. Понятно поэтому, с каким удовольствием я узнал, что выходит новое, дешевое издание сочинений моего любимого поэта, и притом под редакцию известного, как было, помнится, сказано в «Санктпетербургских Ведомостях», библиографа и библиофила нашего Геннади. Человек я не ученый, а только, как уже сказано выше, поклонник поэзии, которую услаждаю свое сельское уединение, а потому и не могу судить, чем прославился известный библиограф и библиофил наш Геннади. Думаю, впрочем, что чем-нибудь важным, если так отзываются о нем «Санктпетербургские Ведомости». Говорили мне, что главная заслуга г. Геннади заключается в том, что он издал редкое ныне описание жизни российского Картуша Ваньки Каина и сборник эротических стихотворений под заманчивым заглавием «Любовь»; но, выписав эти книги, я увидел, что в полученном мною сведении заключалась грубая ошибка. Во-первых, книги эти изданы каким-то Григорием Книжником ³⁹, а не г. Геннади; во-вторых, обличают они до-

стойное толкучего рынка безобразие в эстетическом отношении. Конечно, известный библиограф и библиофил наш не мог бы поставить на ряду с превосходным стихотворением Пушкина «Для берегов отчизны дальной» площадную песню «Ванька Таньку полюбил» или что-то еще хуже, как это сделано в сборнике эротических стихотворений. Его у меня зачитал один забулдыга; а то я доказал бы по пунктам, что такой книги никак не мог издать известный наш библиофил и библиограф. Один приятель мой, которому я поручил приобрести для меня новое издание сочинений Пушкина, извещал меня из Петербурга, будто там кто-то пустил в ход такой стишск об этом новом издании:

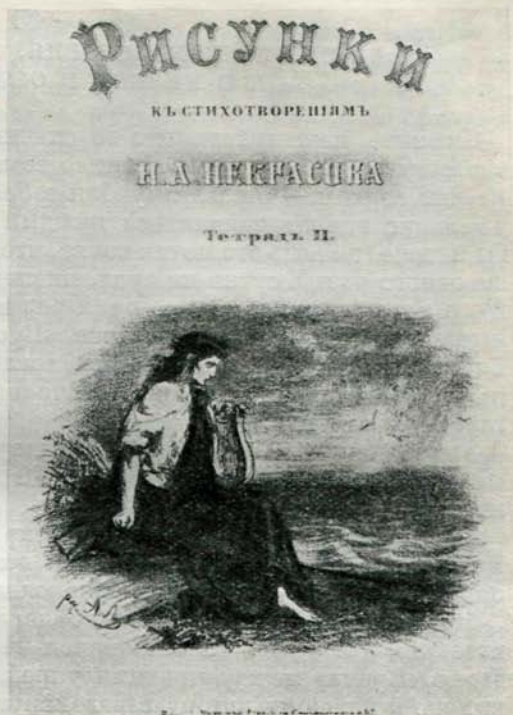
О жертва бедная двух адовых исчадий:
Тебя убил Дантес и издает Геннади ⁴⁰.

Но это меня не смутило, ибо я знаю (преимущественно из «Санктпетербургских Ведомостей»), что у вас в Петербурге множество разных литературных партий, и литераторы не только пишут друг на друга эпиграммы, но и дерутся *. Я издание все-таки выписал. Много было для меня в нем ново; но много знакомого прежде я не узнал. Последнее обстоятельство было для меня крайне грустно; но я думаю, что отстал от современных требований науки, столь дружно подвигаемой в наше время совокупными усилиями русских ученых библиографов и библиофилов г.г. Михайла Семевского, Полторацкого, Тихменева и других. Если б не моя отсталость, я, вероятно, встретил бы уже где-нибудь в повременных изданиях разрешение моего недоумения. Но, повидимому, все находят издание известного библиографа и проч. вполне соответствующим условиям современной науки, ибо никто и не заикнулся, что г. Геннади исполнил задачу свою не совсем удовлетворительно. Я, признаюсь, как простой читатель, был крайне огорчен, что, например, в стихотворении «Роняет лес багряный свой убор» явилось несколько куплетов, которые совсем испортили для меня эту пьесу ⁴², очень мною любимую. Сначала я думал, уж не сам ли известный и проч. сочинил их; но оказалось, что он взял их из рукописи самого Пушкина, и только вставил их в тех местах, где Пушкин их зачеркнул, разумеется как плохие и нарушающие общую стройность пьесы. Но не надо забывать, что Пушкин писал все для таких читателей, как я, которые хотят наслаждаться и потому находят неприятными разные поправки в книге. Вероятно, в этом смысле он и говорил в своем известном стихотворении, что не умрет «весь». Г. Геннади, становясь теперь в уровень с требованиями своей глубокомысленной науки, хочет, чтобы не умерло не только ни одно слово, но даже ни одно чернильное пятно, которое он встретит в рукописях великого поэта. Петербургский приятель мой, купивший для меня новое издание, сообщает мне вдобавок, что истинно просвещенные библиографы недовольны изданием г. Геннади. Они находят, что он недостаточно уважает деятельность великого поэта, ибо спас далеко не все из черновых тетрадей, что бы следовало спасти. Прошу вас сообщить мне, справедливо ли известие, будто готовится еще издание сочинений Пушкина, уже вполне удовлетворяющее требованиям библиографической науки, издание, как пишут мне, драгоценное для людей ученых; но которого я не куплю, ибо в нем, слышно, будут все стихотворения Пушкина напечатаны следующим образом:

Пора! трубят уже рога —
Пора, пора! уж рог трубит —
Пора, пора! рога (звучат) трубят,
Давно (чернильное пятно)
Давно — — — — —

* См. статью г. Воскобойникова: «Перестаньте бить и драться, гг. литераторы!» в СПб. Вед. 1860, № 261 ⁴¹.

ОБЛОЖКА АЛЬБОМА «РИСУНКИ
К СТИХОТВОРЕНИЯМ
Н. А. НЕКРАСОВА»
Тетрадь II, СПб., 1865 г.
Автолитография А. И. Лебедева

В охотничьем псари уборе
Псари в охотнич. уб—х
Чем св. уж на к(смазано)
Борзые пр. на сворах.
(Тут капля коричневого цвета)
И барин — — —
Выходит барин на крыльцо... и т. д.⁴³

Унылое чувство сознания старости и увядания овладевает невольно человеком, когда подумаешь, что становишься уже не способен понимать те высокие стремления, которыми одушевляются люди, занимающиеся наукой, прославившей имя г. Геннади.

Недоумения, вопросы и грустные размышления о своей собственной отсталости, изложенные в этом письме, я хотел напечатать в таком журнале, где имя г. Геннади хоть раз встречалось без объяснительных слов: «наш известный библиограф и библиофил»; но таких журналов оказалось только два: «Коммерческая Газета» да «Свисток». Думаю, что в «Коммерческой Газете» письма моего не поместят, и потому посылаю его к вам.

Григорий Сычовкин.

PS. В письме моем оказывается ошибка. Я узнал, что г. Геннади составил указатель ученых статей «Коммерческой Газеты» за все года и был поэтому назван там «нашим известным библиографом и библиофилом...» Не составляет ли он указателя и к «Свистку»? Тогда письмо мое будет как раз кстати.

<6>

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ, О ШРИФТАХ ВООБЩЕ И О МЕЛКОМ В ОСОБЕННОСТИ

Скажите, пожалуйста, что за скачки у этого «Свистка»! То в полгода словечка от него не добьешься; со всех сторон его задевают, чуть не едут на нем верхом, — он, как чурбан в басне о лягушках и царе ⁴⁴, молчит! То вдруг начнет появляться каждый месяц ⁴⁵; может быть, появлялся бы и чаще, но ведь это почти то же, что езда из Москвы в Петербург; больше одного раза в сутки ни туда, ни сюда приехать нельзя, и дорога длинна, а главное поезд только один раз в день идет; разве завести экстренные поезда ⁴⁶, как сделал уже «Русский Вестник», приславший нам 1 № своей «Летописи» на 1861 год, тогда как «главный поезд с грузом № 23 и 24 1860 года застрял где-то на половине пути ⁴⁷, вероятно, по причине глубоких снегов» *.

Такие толки, без сомнения, раздадутся при появлении настоящего № «Свистка», появляющегося вслед за № 6, который вышел только в прошлом месяце.

Но, милостивые государи, «Свисток» ничего не делает без причины, и на нынешний раз, точно так же, как всегда, он имеет законную причину, оправдывающую скорое его появление.

Просим прислушаться. Речь пойдет о ш р и ф т е. Вам уже, конечно, известно, что с 1861 года появился на Руси новый журнал «Время». Вот это-то «Время» между прочими упреками, делаемыми им всей литературе вообще и каждому автору в разбивку, вздумало упрекать «Свисток» тем, что он публиковал объявление о самом себе «р о б к о, м е л к и м ш р и ф т о м» ⁵⁰. Робко — это ничего; у всякого свои понятия о храбрости... Но — мелким шрифтом! ⁵¹ об этом стоит подумать, необходимо объяснить.

* 13 января 1861 года, после долгого ожидания, означенный груз прибыл благополучно в С.-Петербург, упакованный в один тюк, с двойным номером: 23—24.

РАЗГОВОР В ЖУРНАЛЬНОЙ КОНТОРЕ

— «Одна-то книжка — за две книжки?»
(Кричит подписчик сторяча).

П р и к а з ч и к

«То были плоские коврижки,
А эта — толще кирпича!
В ней есть «Гармония в Природе» ⁴⁸
И битва с Утиным в Смеси ⁴⁹.
Читайте, сударь, на свободе!»

П о д п и с ч и к (*принимая книгу*)

«Merci, почтеннейший, merci!»

(*уходит*)

Так древле тощий «Москвитянин»
По полугоду пропадал,
И вдруг, огромен, пухл и странен,
Как бомба, с неба упал.
Подписчик в радости великой
Бросался с жадностью на том
Плохих стихов и прозы дикой,
И сердце ликовало в нем.
Он говорил: «Так ты не умер?
Как долго был ты нездоров!»
И принимал неожиданный номер
Охотно за пять номеров.

П р и м е ч. к о н т о р щ и к а.

Читателю известно, что с тех пор, как г. Серно-Соловьевич, в зале Пассажа, пред многочисленным собранием, вошел в подробное прение о к у р с и в е ⁵¹, вопрос о шрифте получил в России громадное значение. Говорят, что иногда книжки журналов запаздывали по целым месяцам по причине спора, возникавшего между почтенными редакторами, каким шрифтом должна быть отпечатана та или другая статья, и где именно следует поставить к у р с и в. Лучшие умы пошли далее: от шрифтов крупных и мелких, от косых и прямых, они перешли к обсуждению самой формации шрифтов. «Русский Вестник», как и всегда, явился первым, подавшим свой голос в этом деле: в 1-м № своей «Летописи» он предложил некоторые изменения в отлитии русских букв и ввел их у себя, начав таким образом год блистательным нововведением ⁵². Здесь мы должны на минуту уклониться с прямой дороги и сказать несколько слов об этом нововведении. Нет сомнения, что преобразование в русском шрифте, изобилующем в настоящем своем виде прямыми линиями, при малейшей порче шрифта делающими чтение затруднительным, — нет сомнения, что это преобразование нужно, но, тем не менее, по поводу попытки «Русского Вестника» «Свисток» слышал следующие рассуждения, о которых, принимая в соображение важность вопроса, не считает удобным умолчать.

— Может быть, нововведение господина Каткова очень хорошо, — говорил недавно один господин, потрясая 1 № «Летописи Русского Вестника», — но я полагаю, что место таким попыткам не в газете, а в каком-нибудь специальном издании, посвященном филологии или просто: вопросу о шрифтах. Пятьдесят три года читаю я русские книги и журналы и ни-

— Эхъ несчастіе!

Иногда бы зажило плечо,
Лягнулъ бы лягушку какъ мѣдь.
А кабы мѣ утру умереть
Тѣмъ лучше было бы еще! —

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СТИХОТВОРЕНИЮ «НА ВОЛГЕ»

Автолитография А. И. Лебедева
Альбом «Рисунки и стихотворениям
Н. А. Некрасова»

Тетрадь II, СПб., 1865 г.

когда не встречал затруднения в чтении их, исключая того случая, когда господину Лажечникову вздумалось напечатать своего «Басурмана» хотя и по-русски, но с каким-то чудовищным правописанием⁵³, которым поставлялось читателю в обязанность разучиться всякому правописанию, да еще того небольшого периода в издании «Отечественных Записок», когда редакция, в виду всей России, чуть было не повихнулась на букве *ж*, но это скоро и благополучно прошло⁵⁴. И вот теперь, под старость, получаю «Летопись», начинаю читать... да еще в слух, перед мало знакомыми людьми пришлось читать. Представьте себе! читаю — и запинаясь, поминутно запинаясь. Глаз мой, в течение долгого времени освоившийся с обыкновенным русским шрифтом, никак не может привыкнуть к этим закруглениям, усикам, раздвоениям, рожкам, подножкам и ко всяким другим улучшениям, введенным «Летописью» в русский шрифт. Подножки! Усики! Спрашивается, зачем тут усики?

Усы гусара украшают,
Усы герою вид дают,
Невест усами добывают,
Усы для девушек магнит...

Но я не девушка! А эти высокие *к*, *ф*, *ь* — что это такое? для чего?.. В целом страница представляет какую-то невообразимую пестроту, неровную, несимметричную, как будто с высокой-высокой колокольни смотришь на подгулявшую толпу, покачивающуюся с боку на бок, или, еще лучше, как будто, к ужасу г. Серно-Соловьевича, ящик курсива высыпали в ящик обыкновенного прямого шрифта да и пошли писать, то есть набирать! так что сам господин Серно-Соловьевич едва ли в состоянии различить, что здесь собственно набрано курсивом, что прямым шрифтом. А уж я так просто и прочесть не умел порядком; некоторые гости ушли, не дослушав чтения и — что мудреного — сочили меня за безграмотного! Вот какую услугу оказал мне «Русский Вестник»!

— Из чего вы убиваетесь! — возражали ему. — Так-то у нас во всем, ничего для общей пользы; маленькое затруднение для глаз, пустой щелчок самолюбию — и мы готовы бросить камень в того, кто хлопотал для пользы науки. Ведь господин Катков, конечно, имел в виду пользу науки...

— Пользу науки! — грубо вскричал господин. — Хочешь пользы науке, так печатай свои опыты особо. Если я в науке радетелен, заплачу деньги и испорчу глаза — и жаловаться не буду. Или объяви заранее. А то —

На языке тебе невнятном
Свои статейки подношу,
И в заблуждении приятном,
Вниманья твоего прошу... *

Покорно благодарю! Я не хотел ни денег бросать, ни глаза портить, я хотел читать «Современную Летопись». Так и давайте мне ее в таком виде, чтоб я мог читать. Еще бы вы вздумали для пользы науки ставить буквы кверху ногами или санскритский алфавит ввели бы, да не объявили бы заранее! Покорно благодарю! Целый год теперь убивайся, привыкай к новому шрифту, а там удержится ли еще он, или вздумается выписать другой журнал.

— Да зачем же другой? — говорили ему. — Вы всегда были таким жарким поклонником «Русского Вестника»...

— Так по-вашему целый век и прикажете мне выписывать только его? — запальчиво возразил господин.

— Почему же нет?

— Почему, почему? А вот почему, милостивый государь:

* Пушкин: «Иностранке»⁵⁵.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СТИХОТВОРЕНИЮ «НА УЛИЦЕ» («ВОР»)

Автолитография А. И. Лебедева

Альбом «Рисунки к стихотворениям Н. А. Некрасова»

Тетрадь II, СПб., 1865 г.

Каким ни ухищришься шрифтом
 Печатать слабые статьи,
 Верь, ни сотрудники твои,
 Ни сам ты — век не будешь Свифтом!

Он посмотрел на нас с явным самодовольствием. Он, видимо, был счастлив, что ему удалось высказать свое негодование в этой плохой эпиграмме. Мы пробовали ему заметить, что г. Катков никогда не претендовал на славу Свифта и потому, конечно, останется совершенно равнодушным к этой выходке; но он не дал нам рта разинуть, продолжая порицать шрифт «Летописи». И вот каковы люди! Пять лет этот человек был жарким поклонником «Русского Вестника», он почерпал оттуда свои убеждения, свои высшие взгляды, — короче: свой ум. «Русский Вестник» помогал ему держаться на высоте современности, как и многим, внезапно застигнутым этим требованием, — и вот ничтожное разветвление в верхней части буквы *ль*, ничтожный усик, приделанный к букве *ь*, — и все забыто! Приязнь обратилась во вражду! О люди! о век! о время!

Само собою разумеется, что эти два последние восклицания не относятся ни к «Веку», издаваемому г. Дружининым и К°, ни ко «Времени», издаваемому г. М. Достоевским. Но так как мы кончили наше отступление, то и переходим к одному из этих журналов, с которым начали нашу беседу.

Собственно мы начали статейку с тем, чтобы сказать «Времени», что никак мы не можем признать справедливым упрека его в том, что «Свисток» объявил о себе мелким шрифтом. Мы всегда думали и продолжаем думать, что этот случай должно приписать в заслугу ему. Да когда же, скажите на милость, «Свисток» говорил о себе, не в выноске, крупным шрифтом? Во-первых, крупные шрифты у нас берегутся для публикации имен

тех знаменитостей, которые удостаивают нас обещанием своих произведений, а во-вторых: не всегда ли «Свисток» отличался скромностью и благоприличием?

Итак, надеемся, мы доказали «Времени», что мелкий шрифт в нашем объявлении не должен быть понимаем иначе, как за выражение этих качеств, при которых «Свисток» желает остаться навсегда. Горькую минуточку переживает он, когда «Время» или другой какой-либо журнал будет в состоянии с полным правом обратиться к нему с известным карамзинским вопросом: «Бедный Свисток! где твоя невинность?»⁵⁶.

Он откровенно сознается, что не желает дожить до этого времени.

Объяснившись и успокоив умы касательно мелкого шрифта, мы теперь займемся словом «р о б к о», так как это маленькое словечко, признаемся, тоже укололо нас, хотя и менее, нежели мелкий шрифт. Глупо! но что же делать? у всякого есть свои мировые судьи, своя г-жа Свечина⁵⁷. Притом, не служит ли и эта самая щекотливость доказательством невинности «Свистка»? Это не то, что обстрелянные журналисты, на которых раздражительные господа, потерпевшие неудачи на различных поприщах — акционерном и других, — изливают свою жолчь из разных газетных закоулков, покуда их оттуда не выгонят за глупость, как отовсюду, куда они совались. Молчат обстрелянные журналисты, даже виду не подадут, долетели ли до них хоть брызги помой, которыми была разведена жолчь, — молчат, и сохнет, и тает, как воск, не по дням, а по часам, раздражительный господин в тщетном ожидании. Нет, «Свисток» не имеет ни столько навыка, ни столько твердости. Он готов оправдываться против каждого двусмысленного слова, пущенного на его счет, разумеется, если уважает противника.

Если бы «Время», вместо р о б к о, употребило слово к р о т к о, тогда нечего бы и говорить. Но — робко! В чем же, по мнению «Времени», выразилась робость «Свистка»? В том, что он не написал о себе широко-вещательного объявления, не расхвастался в нем своими заслугами, не натыкал в него сотни заглавий небывалых статей и десятки имен с сомнительной знаменитостью? Помилуйте! да если вопрос только в этом, так «Свисток» мог бы удивить публику своею храбростию не хуже самих «Отечественных Записок». Вы скажете, у него не хватит воображения, не найдется умения составить хорошую программу, нужно набить руку, напрактиковаться, что приобретается годами, а вы сами уши нам прожужжали своей неопытностью? Что ж! положим так. Но разве нельзя воспользоваться чужою опытностью? «Свистку» стоило переписать почти любую из программ на 1861 год — и вы не назвали бы его робким.

Он мог бы сказать, например:

«Свисток» не имеет надобности рекомендоваться публике «подробными программами, а потому редакция с удовольствием оглядывается на прошедшее свое поприще, в котором находит разгадку постоянного своего успеха в публике, несмотря на обилие вновь являющихся повременных изданий. Не для того, чтобы хвалиться всем тем, что успел сделать в это время, а для того, чтоб искать в прошедшем руководящей идеи для будущего, бросим мы взгляд на пройденное нами широкое поприще».

Довольно. Рука устаёт выписывать. Скажите, чем это было бы худо? Очень бы даже хорошо! И труда никакого не стоило бы, потому что это выписано слово в слово из программы одного большого журнала, богатого опытностью по части программ⁵⁸. Затем «Свисток» сумел бы, конечно, переписать с громкими прибавлениями названия статей, в нем помещенных, перечислить имена сотрудников, в нем участвовавших, расхвалив их напропалую и задев по дороге сотрудников чужого прихода, — и, наконец, заключил бы так:

«Читатели видят, что редакции «Свисток» в прошлом году по счастливиилось соединить на своих страницах ⁵⁹ превосходные произведения Якова Хама, Аполлона Капелькина и Конрада Лилиеншвагера» ⁶⁰.

В следующем году «Свисток» надеется быть еще счастливее, поместив следующие статьи:

Литературная травля или раздраженный библиограф, самообличительная поэма-автобиография... Саввы Намордникова ⁶¹.

Исторические параллели ⁶²:

Б. А. Кокорев и Лафит.

Жорж Санд и Евгения Тур.

Битва Горадиев с Куриациями и бой 13 декабря 1859 г. в петербургском Пассаже.

Ламорисьер и Н. Ф. Павлов.

Легенда о Чернокнижии, или Шотландская ведьма — поэма А. Капелькина.

Ряд статей О вреде людоедства — Дарьи Куницыной (урожденной княжны Бесхвостовой) ⁶³.

Ряд статей О юморе у жителей Лапландии и у самоедов (посвящается редакторам «Свистка») — И. Шутенкова (потомка древней графской фамилии, утратившей документы при пожаре Москвы в 1812 году) ⁶⁴.

«Тысячу двести стихотворений» — Конрада Лилиеншвагера.

Жох и Плоцка, драма — Анны Монументовой (псевдоним мужчины-писателя).

Идиллия и Предсказания — Якова Хама.

Человек без денег — солдат без ружья! — Хаджи-подхалимова (поэт-самоучка, армянского происхождения. Мать грузинка) ⁶⁵.

Как понимают Свисток образованные народы Европы, ряд писем из Лондона Титмарша Младш. (племянника славного Тэккеря, давшего клятву писать исключительно в нашем журнале) ⁶⁶.

Истина в науке Три лекции А. Украинского ⁶⁷, кото-
Истина в искусстве рые будут читаны в зале Пассажа, в пользу
Истина в жизни новозадуманного Общества для сдирания
шкура — с живых и мертвых, под благовидными предложениями, по новому способу, им же изобретенному.

Басни К. Пруткова *.

И проч. и проч. и проч. Сколько еще могли бы мы насчитать статей! сколько поименовать сотрудников! Но в том-то и дело, что при всей легкости в подборе подобных хвастливых обещаний, при всей безответственности в случае их неисполнения, «Свисток» удержался в границах скромности и приличия.

Спрашивается теперь: порицания или похвалы достойно подобное поведение?

* Это имя, как действительно знаменитое, должно быть напечатано в полтора раза крупнее прочих, чего не сделано здесь из опасения обезобразить страницу.

Доказав свою невинность, «Свисток» спешит уверить новый журнал, что нисколько не сердится за опрометчивое его суждение. Напротив, «Время» ему понравилось, и он, как восторженный юноша, не умеющий скрывать своих чувств, сложил ему гимн, который и печатает теперь с большим удовольствием.

ГИМН «ВРЕМЕНИ».

НОВОМУ ЖУРНАЛУ, ИЗДАВ. М. ДОСТОЕВСКИМ

Меж тем как Гарибальди дремлет,
Колеблется пекинский трон,
Гаэта грому пушек внемлет,
Дает права Наполеон,—
В стране затронутых вопросов,
Не перешедших в сферу дел,
Короче: там, где Ломоносов
Когда-то лирою гремел,
Явление нового журнала
Внезапно потрясло умы:
В нем слышны громы Ювенала,
В нем не заметно духа тьмы.
Отважен тон его суровый,
Его программа широка...

Привет тебе, товарищ новый!
Явил ты мудрость старика.
Неси своей задачи бремя,
Не уставая и любя!
Чтобы ни «Век», ни «Наше Время»
Не покраснели за тебя;
Чтобы не сел тебе на плечи
Редактор-дама «Русской Речи» ⁶⁸.
Чтоб фельетон «Ведомостей»
Не похвалил твоих статей!
Как пароксизмы лихорадки,
Терпи журнальные нападки,
И Воскобойникова лай
Без раздражения внимай!

Блуди разумно дух журнала,
Бумагу строго береги:
Страшись «Суэзского Канала»
И «Зундской Пошлины» беги! *
С девонской, с силурийской почвы
Ученой дани не бери;
Кричи таким твореньям: «прочь вы!»
Творцам их: «чорт вас побери!»
И то как о «Сухих Туманах» **
Статейку тиснешь невзначай,
Внезапно засвистит в карманах...
Беда! Ложись — и умирай ***.

* О «Суэзском перешейке», о «Зундской пошлине» — любимые статьи скучных журналов. Действие их на читателя ужасное. Один известный журнал имел неосторожность коснуться раз Суэзского перешейка — и долго потом не мог поправиться.

** О «Сухих Туманах» — одна из последних статей, напечатанных в «Атенее», после которой он вскоре умер.

*** «Свисток» надеется, что редакция «Времени» оценит бескорыстность и доброжелательство этих предостережений, которыми вовсе не должно пренебрегать.

Будь резким, но не будь бранчливым,
 За личной местию не гонись.
 Не называй «Свистка» трусливым
 И сам безмерно не гордись!
 Припомни ямбы Хомякова,
 Что гордость — грешная мечта,
 Припомни афоризм Пруткова,
 Что все на свете — суета!

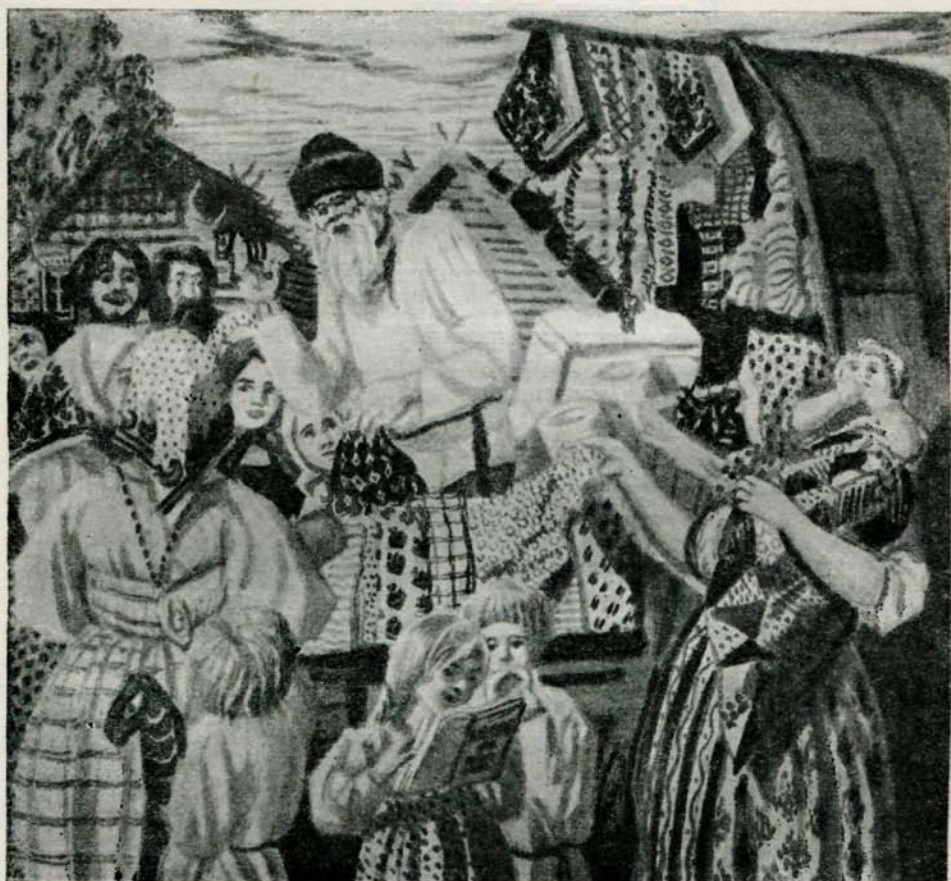

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СТИХОТВОРЕНИЮ «ДЯДЮШКА ЯКОВ»

Акварель Б. М. Кустодиева, 1910 г.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

Мы здесь живем не вечны годы,
 Здесь каждый шаг неверен наш,
 Погибнут царства и народы,
 Падет штенбоковский Пассаж,
 Со срамом Пинто удалится
 И лекций больше не прочтет,
 Со треском небо развалится
 И «Время» на косу падет! *

〈«Современник» 1861, № 1, «Свисток» № 7, 1—10; без подписи〉

* Последние два стиха заимствованы у Дмитриева.

<7>

ФИНАНСОВЫЕ СООБРАЖЕНИЯ

(Г о л о с ы з п р о в и н ц и и)

Денег нет — перед деньгами.
(Народная пословица)

Между тем, как в глуши
В преферанс на гроши
Мы палим, беззаботно ремизясь,

Из столиц каждый час
Весть доходит до нас
Про какой-то финансовый кризис.

Эх! вольно ж, господа,
Вам туда и сюда
Необдуманно деньги транжирить.

Надо жить поскромней,
Коли нет ни рублей,
Ни уменья доходы расширить.

А то роскошь у вас,
Говорят, завелась
Непонятная даже рассудку.

Не играйте, молю,
В ералаш по рублю,
Это первое: вредно желудку.

Во-вторых, но — увы!..
Рассердились уж вы:
«Ты советовать нам начинаешь?»

Что ж? я буду молчать.
Но ведь так продолжать —
Так, пожалуй, своих не узнаешь!

Каждый графом живет:
Дай квартиру в пятьсот,
Дай камин и от Тура кушетку⁶⁹.

Одевает жену
Так, что только — ну, ну!
И публично содержит лоретку!

Сам же чуть не банкрот...
Что ж мудреного тут,
Если вы и совсем разоритесь?

Вам Прутков говорит:
«Мудрый в корень глядит»,
Так смотрите на нас — и учитесь!

Ведь у нас в городах,
Ведь у нас в деревнях
Деньги были всегда не обильны.

А о кризисе дум
Не впадало на ум —
Сохранял, сохраняет Всесильный!

Целый год наш уезд
Все готовое ест:
Наташат, навезут мужичонки.

На наряды жене
Да на выпивку мне
Только вот бы и нужны деньжонки.

Что ж добуду кой-как...
А что беден бедняк,
Так ведь был не богаче и прежде.

Что поднимет мужик
Среди улицы крик,
Непростительный даже в невежде:

«Я-де сено привез
Да и отдал весь воз
За размен трехрублевой бумажки!

Лишь бы соли достать,
А то стал я хворать
И цынга появилась у Глашки», —

Так за эту бы речь
Мужичонку посечь
Да с такой бы еще прибауткой:

— «Было что разменять,
А ты смел рассуждать —
Важный барин, с своею Глашуткой!»

Ну и дело с концом...
Больше, меньше рублем —
Велика ли потеря на лаже? ⁷⁹

А для тех, у кого
Вовсе нет ничего,
Так совсем не чувствительно даже...

«Современник» 1861, № 1, «Свисток», № 7, 35—37;
подпись: «У<глич>кий старожил»

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Некрасов имеет в виду стих. А. Н. Майкова «Отрывок из поэмы «Земная комедия» (Памяти Пушкина)», напечатанное в «Современнике» 1855 г. (№ 12, «Заметки о журналах», 284), в связи с нападками Кс. Полевого на Пушкина («Северная Пчела» 1855, № 255).

² «На натиск пламенный ей был отпор суровый» — перефразированная цитата из Пушкина («К Вельможе»).

³ Имеется в виду публичный диспут о происхождении Руси, состоявшийся 19 марта 1860 г. в зале С.-Петербургского университета.

⁴ Н. А. Северцов (1827—1885) — известный зоолог и путешественник. Во время экспедиции на низовья Сыр-Дарьи, в 1857—1858 гг., подвергся нападению коканцев (ферганских узбеков), ранивших его и взявших в плен, из которого Северцов был освобожден только через месяц по требованию русских властей (ср. его статью «Месяц плена у коканцев» — «Русское Слово» 1859, X, 221—318; отд. изд. СПб., 1860).

⁵ В том же номере «Свистка» (стр. 4—27), в статье «Опыт отлучения людей от пищи», Добролюбов разоблачал действия учредителя Общества Волжско-Донской железной дороги, миллионера В. А. Кокорева, «благоразумные распоряжения» которого вызвали у нанятых обществом рабочих массовые болезни и смертность.

⁶ Речь идет об известном «литературном протесте» против антисемитских статей В. Р. Зотова в журнале «Иллюстрация»; см. сводку возникшей полемики в примечаниях С. Рейсера к статье Добролюбова «Письмо из провинции». — Н. Добролюбов, Полное собрание сочинений, М., 1939, VI, 703.

⁷ «Сп о р о С в е ч и н о й» — длительная полемика М. Н. Каткова с Е. Тур, поместившей в издаваемом Катковым «Русском Вестнике» (1860, № 7) статью «Госпожа Свечина» по поводу книги «Madame Svetchine, sa vie et ses oeuvres, par le comte de Falloux, de l'Académie Française», Paris, 1859. — Резкую характеристику реакционного католического салона Свечиной Катков объявил «односторонней». Возникший спор повел к полному разрыву Е. Тур с редакцией «Русского Вестника». В основе этой полемики лежала, повидимому, журнальная конкуренция; см. подробное изложение полемики в статье Н. Г. Чернышевского «История из-за г-жи Свечиной» («Современник» 1860, № 6; Полн. собр. соч., VI, 243—264).

⁸ С. П. Свечина (1782—1857) — писательница по религиозно-моральным вопросам; в середине 1810-х годов, под влиянием Жозефа де-Местра, перешла в католицизм и, поселившись в Париже, примкнула к ультрамонтанской партии.

⁹ «Энциклопедический словарь», составленный русскими литераторами и учеными, начал издаваться в 1861 г., под ред. А. А. Краевского (см. объявление о нем — «Московские Ведомости» 1860, 27 октября, № 232). Огромное осуществляемое на правительственную субсидию издание прекратилось в 1869 г. на пятом томе. Редакเตอร์ Краевского возбудило неприязненные толки: «Сей муж не только вмешался в издание Энциклопедического Лексикона, но объявил себя его главным редактором», — писал П. В. Анненков Тургеневу 17 сентября 1860 г. — «Это было знаком всеобщего негодования. На него опрокинулись пасквилы, насмешки, позорные изобличения, преимущественно в «Искре». Я его видел притихшим и грустным, но еще не все исчерпано. Ждут первого выпуска Лексикона, чтобы пуститься в травлю» («Труды Публичной библиотеки СССР имени Ленина», изд. «Academia», 1934, III, 96).

¹⁰ В. А. Кокорев (1817—1889) и Д. Е. Бенардаки — крупные откупщики. Источник приписанных им слов нами не найден.

¹¹ Неточная цитата из «Разговора книгопродавца с поэтом» (у Пушкина — «нежный ум»).

¹² Источник цитаты не найден; возможно, что четверостишие принадлежит самому Некрасову.

¹³ Речь идет о статье «Теория и опыт» («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1860, кн. 10, 36—38), в которой И. Беллюстин, повторяя мысли В. И. Даля о вреде грамоты без просвещения, доказывал, что дело обучения народа требует осторожности и что к нему нельзя подпускать каждого желающего.

И. Беллюстин — калязинский священник, автор напумевшей книги «Описание сельского духовенства», написанной по инициативе и по поручению М. П. Погодина и напечатанной анонимно за границей («Русский заграничный сборник», Париж, 1858, I, тетрадь 4). Книга вызвала большое возмущение в официальных церковных сферах, была запрещена к ввозу в Россию, и в ответ на нее вышли два инспирированных издания (ср. сочувственную по отношению к Беллюстину рецензию Добролюбова. — Полн. собр. соч., М., 1937, IV, 237—252, 343—347, 499—500 и 531—532). «Над Беллюстиным было уже 17 следствий, на каждую минуту на волосок от Соловков», — записывает 29 мая 1859 г. в своем дневнике В. Ф. Одоевский («Литературное Наследство», М., 1935, № 22—24, 99; ср. еще 94).

¹⁴ Некрасов имеет в виду появившуюся в «Московских Ведомостях» (12 ноября 1860, № 246) «Заметку провинциала» (о действиях подрядчика Гладина), подписанную В. Смирновым.

¹⁵ Возможно, что Некрасов имеет в виду крепостническую статью «Полтавского помещика» («Отечественные Записки» 1858, № 10), упомянутую Добролюбовым в «Литературных мелочах прошлого года».

¹⁶ В. К. Ржевский (1811—1885) — сотрудник «Русского Вестника», реакционный публицист, видный чиновник Министерства внутренних дел, впоследствии сенатор. В статье «Способ собирания прямых налогов во Франции» («Русский Вестник» 1860, № 18, 23, 227—262) Ржевский, опровергая мнение защитников сельской общины, на примере Франции доказывал, что налоги могут быть успешно собираемы и без круговой поруки сельского населения. Он же поместил в «Русском Вестнике» статью «О мерах,

содействующих развитию пролетариата» (1860, №№ 25 и 27). Статьи о профессорах и экзаминаторах и о сокращении университетских штатов нам неизвестны.

¹⁶ К о з л я н и н о в (действительная фамилия — Козлянин, ср. «Московские Ведомости», 1860, 25 октября, № 230, заметка Льва Камбека) — помещик, побивший в вагоне железной дороги пассажирку (письмо в редакцию Александра Мансурова. — «Московские Ведомости» 1860, 24 августа, № 185).

¹⁷ Ю. Л е т г о л л а (псевдоним Ю. Ю. Беркгольца) на страницах «С.-Петербургских Ведомостей» обличал ошибки Н. И. Костомарова в области литовской филологии.

¹⁸ Н. Н. Стр а х о в в статье «Об атомистической теории вещества» («Русский Вестник» 1860, 27, 134—194) хотел «показать бессилие эмпиризма в известных случаях», доказывая условность и несостоятельность атомистической теории. Несколько философских статей Страхова появились ранее в журнале «Свечеч».

¹⁹ «В е к» — еженедельная газета, выходившая в 1861—1862 гг. под ред. П. И. Вейнберга, при ближайшем участии А. В. Дружинина (редактировавшего литературный отдел), К. Д. Кавелина (юридический отдел) и В. П. Безобразова (экономический отдел). Беспартийно-либеральная газета Вейнберга не имела успеха («в то время требовались от публицистического органа нерв, чуткость и живое слово, а не солидная ученость», — говорит по этому поводу Н. Шелгунов — «Воспоминания», М., 1923). «Современник», напечатанный составленным Некрасовым сочувственное извещение о начале издания «Века», впоследствии относился кронически к либеральному прекрасодушию, характерному для этого журнала (ср. стих. Добролюбова «Новый век» — «Современник» 1862, № 1; «Свисток», № 8, стр. 5).

²⁰ «О с н о в а», южно-русский литературно-ученый Вестник — ежемесячный журнал, издававшийся в 1861—1862 гг. П. А. Кулишом (под ред. В. М. Белозерского) и являвшийся органом украинофилов. Ср. рец. Чернышевского. — Полн. собр. соч., СПб., 1906, VIII, 48—60.

²¹ Далее следует указание на ряд статей Добролюбова, частью вошедших в тот же номер «Свистка», частью же либо только задуманных, либо написанных, но запрещенных цензурой. Так, «подлинные документы о состоянии умов в Европе» — это напечатанные в том же номере «Неаполитанские стихотворения» (присюющие, как сказано в прозаическом введении, как раз «положение дел и на строение умов» и названные там же «поэтическими документами»). «Выдержки из обширной корреспонденции» — несомненно, «Письмо благонамеренного француза о необходимости посылки французских войск в Рим» и т. д., запрещенное цензурой и напечатанное Чернышевским в посмертном издании сочинений Добролюбова. Наконец, слова «о сообщит вам и о том, с какими достоинством держат себя в настоящих трудных обстоятельствах наши любезные соотечественники, путешествующие по Европе» — имеют в виду, скорее всего, сохранившуюся лишь в незаконченной рукописи статью Добролюбова «Что о нас думают в Париже»; возможно предположение, что эта статья вообще не была закончена и предназначалась для другого номера, поскольку Чернышевский, издавая впоследствии добролюбовский «Свисток», не включил ее в реконструируемый им шестой номер.

²² Некрасов имеет в виду журнальную дискуссию по вопросу об обучении народа грамоте, начавшуюся еще в 1856—1857 гг. В. И. Даль в своем «Письме к издателю «Русской Беседы» А. И. Кошелеву» (1856, кн. III, 1—16) утверждал, что грамота «сама по себе ничему не вразумит крестьянина; она скорее собьет его с толку, а не просветит. Перо легче сохи; вкусивший без толку грамоты норовит в указчики, а не в рабочие...; он склоняется не к труду, а к туеядству... А что писать нашим писанам? Разве ябеднические просьбы и поддельные виды».

²³ Ответ Е. Карновича Далю был напечатан в «Современнике» (1857, № 10, 123—128).

²⁴ См. выше прим. 12-е.

²⁵ М и х а и л П е т р о в и ч — историк М. П. Погодин, о диспуте которого с Костомаровым см. выше прим. 3-е.

²⁶ С. С. Г р о м е к а (1823—1877) — отставной жандармский офицер, либеральный публицист, сотрудник «Русского Вестника», автор обличительных статей о полиции («Русский Вестник» 1857—1859 гг.).

²⁷ Б у л к и н — псевдоним С. А. Ладженского, сотрудника «Русского Вестника», автора исторических романов.

²⁸ В. К. Р ж е в с к и й — см. выше, прим. 15-е.

²⁹ Г. А. М а т и л ь — сотрудник «Русского Вестника», где печатались его статьи об Америке.

³⁰ Г. П. Д а н и л е в с к и й (1829—1890) — популярный беллетрист, в конце 50-х — начале 60-х годов работавший по земским выборам и много писавший по земским вопросам.

³¹ Ср. статью Н. А. Добролюбова «Народное дело. Распространение обществ трезвости» («Современник» 1859, № 9).

³² Издававшийся в 1858—1859 гг. в Москве под ред. Е. Ф. Корша умеренно-либеральный журнал «Атеней» был прекращен самим издателем из-за недостатка подписчиков.

³³ Аделаида Ристори (1822—1906) — итальянская драматическая актриса, с большим успехом гастролировавшая в 1860—1861 гг. в Петербурге. Все газеты и журналы были полны описаний ее игры, от которой, по словам обозревателя «Русского Вестника», «занимался дух и сердце замирало». Некрасов видел Ристори еще раньше, в Париже, и относился к ее игре сдержанно: «Видел я Леметра, вот это столько же то, сколько не то Ристори» (письмо к Тургеневу от 15/27 мая 1857 г.). Ср. отрицательную оценку П. В. Анненкова: «Ристори — ремесленница» (письмо к Тургеневу от 9 декабря 1860 г. — «Труды Публичной библиотеки СССР имени Ленина», изд. «Academia», 1934, вып. III, 107).

³⁴ Проект, составленный Тургеневым в августе 1860 г., осуществлен не был, так как встретил «сильнейшую оппозицию» в официозных кругах, связанную с «нерасположением правительства» к общественной инициативе в деле народного образования. (См. исчерпывающую сводку данных в комментариях Ю. Оксмана к циркулярному письму с «Проектом программы общества для распространения грамотности и первоначального образования». — «Сочинения И. С. Тургенева», Л.—М., 1930, XII, 716—720; текст «письма» — там же, 459—465).

³⁵ Г. П. Бланк в своих статьях выступал в защиту крепостного права («Труды Вольно-экономического общества» 1856, № 6; 1857, № 1).

³⁶ «Русское Слово» (1859—1866) — с 1860 г. ежемесячный радикально-демократический журнал, издававшийся на средства богатого мецената гр. Г. А. Кушелева-Безбождко (1832—1876), под редакцией Г. Е. Благосветлова (1824—1880) и при ближайшем участии Д. И. Писарева и В. Зайцева.

³⁷ Собрание сочинений Пушкина, изданное в 1838—1841 гг. под ред. друзей поэта, было очень неудовлетворительным. Ср. отзыв о нем Чернышевского: «Боже! Каково было это издание! Любители курьезных книг должны дорожить им, как дивом небрежности и неряшества внешнего и внутреннего, как редкостью, достойно занимать место наряду с тем знаменитым изданием Виргилия, в котором список типографских и других погрешностей наполнял в полтора раза более страниц, нежели самый текст» («Современник» 1856, № 5, Критика, стр. 1).

³⁸ Издание сочинений Пушкина под ред. П. В. Анненкова, вышедшее в 1855—1857 гг., составило эпоху в изучении Пушкина.

³⁹ Григорий Книжник — псевдоним Геннади, под которым он выпустил переиздание старинной повести «Жизнь Ваньки Каина, им самим изложенная. Новое издание Григория Книжника. Жизнь и похождения Российского Карлуша, именуемого Каином, известного мошенника и того ремесла людей сыщика» (СПб., 1859) и антологию «Эротические стихотворения русских поэтов. Собрал Григорий Книжник» (СПб., 1860). Издание «Жизни Ваньки Каина», выпущенное Геннади, не удовлетворяло научным требованиям: в основу его был положен позднейший текст, в котором отсутствовали существенно важные народные песни, имевшиеся в первоначальном тексте. (См. сводку отзывов в брошюре: У. Иваск, Григорий Николаевич Геннади. Обзор жизни и трудов. М., 1913, 29—30).

Сборник «Эротические стихотворения» возмущал критиков беспринципной пестротой своего состава: в нем, наряду с «признанными классиками» — Пушкиным, Баратынским, — были перепечатаны стихотворения третьестепенных поэтов (Бороздины, Вуича, Зотова, Милькева и пр. и т. п.) или поэтов хотя и значительных, но принадлежавших допетровской поре и потому отвергавшихся демократической критикой 50-х — 60-х годов (как, например, Мерзлякова или Нелединского-Мелецкого).

«Современник» встретил сборник уничижающей рецензией, в которой Григорий Книжник был отождествлен с литературными предпринимателями, издателями бульварно-порнографической литературы («Современник» 1860, № 4; «Библиография», 403—406).

В действительности, в сборник Геннади входила только высокая лирика на тему о любви вообще; никакой «эротики» в специфическом смысле этого слова в ней не было, как не было и «площадной» песни «Ванька Таньку полюбил», упоминаемой в комментируемом фельетоне (если эти слова не относятся к «псевдонародным» песням-романсам Нелединского-Мелецкого, Мерзлякова, Вельтмана, равно неприемлемым для демократической критики 50-х—60-х годов). Но отрицательное отношение «Современника» к сборнику Геннади вполне последовательно: ведь Добролюбов даже о таких стихотворениях Пушкина, как «Я вас любил, любовь еще, быть может...» и «Нет, нет, не должен я, не смею, не могу...», именно в это время отзывался более чем холодно. (Н. Добролюбов, Полн. собр. соч., М., 1935, II, 580).

⁴⁰ Приведенная эпиграмма принадлежит С. А. Соболевскому.

⁴¹ Резкая статья Н. Воскобойникова (члена кружка А. П. Милюкова, в который входили Ф. М. и М. М. Достоевские, Н. Н. Страхов и др. писатели, позднее сотрудничавшие «Времени») была направлена против обличительной литературы и демократической публицистики. «Мы полагаем, — писал Воскобойников, — что всем этим господам <«Русскому Вестнику», полемизирующему с Е. Тур, Новому поэту, Добролюбову, Чернышевскому» время остановиться. Пора перестать пришивать к разным личностям разные грязные истории. Пора перестать возражать брава на мнения. Эти осадки дряни обличительной литературы должны исчезнуть».

⁴² Издание сочинений Пушкина под редакцией Геннади положило начало порче основного авторского текста введением в него зачеркнутых в рукописи строф. Так, в стихотворение «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор») Геннади ввел четыре восьмистишия ранней редакции, с примечанием: «Эта и последующая строфа, заключенные в знаки {}, отброшены были Пушкиным из этого стихотворения и напечатаны были в VII томе последнего издания сочинений его из рукописи; помещаем их в тексте к своим местам для удобства чтения». Это сомнительное «удобство» было куплено дорогой ценой: введенные строфы своим мажорным тоном разрушали единство элегической темы; после слов:

Минутное забвенье горьких мук —

Геннади печатал:

Товарищи! сегодня праздник наш.
Заветный стол! Сегодня там, далече,
На пир любви, на сладостное вече
Стеклися вы. При звоне мирных чаш
Вы собрались...

и т. д. (I, 329).

Против этого некритического отношения к редактированию текста, против редакторского произвола выступил в следующем номере «Свистка» Чернышевский («Современник» 1861, январь, «Свисток», № 7), приложив к своей статье «Ответ на вопрос. Или освищенный вместе со всеми другими журналами «Современник», издательское примечание от имени «безвестного, но полезного труженика науки». Именно к цитате из Жуковского:

Что такое все награды
Пред сокровищем таким —

Чернышевский дал сноску: «Цитата ошибочная: г. Геннади поместил эти стихи в пьесе Пушкина: «Роняет лес багряный свой убор...». Но по точнейшим исследованиям оказывается, что хотя они и действительно написаны на листке, лежавшем подле черновой рукописи этого стихотворения, однако же принадлежат известному гр. Хвостову, листок из бумаг которого случайно оказался на столе Пушкина» (Н. Чернышевский, Полн. собр. соч., СПб., 1906, VIII, 76).

Сводку отзывов об издании Геннади см. в упомянутой брошюре Иваска, 34—35. ⁴³ В своем комическом образце ученой транскрипции Некрасов предвосхитил позднейшее увлечение механической репродукцией рукописей, характерное для академического пушкиноведения (Якушкин и др.). При этом, исходя из запросов рядового читателя, Некрасов справедливо протестует против засорения окончательного текста вставками из первоначальных редакций. Выступление Некрасова до сих пор остается актуальным, так как и теперь встречаются ревнители усовершенствования текста Пушкина вставками из черновиков.

⁴⁴ Басня Крылова «Лягушки, просящие царя».

⁴⁵ Предыдущий, шестой, номер «Свистка» появился при декабрьской книжке 1860 г.

⁴⁶ «Экстренные поезда» — отдел «Современной Летописи» «Русского Вестника», с 1861 г. выходивший в виде отдельного приложения к журналу.

⁴⁷ «Русский Вестник» выходил два раза в месяц; №№ 23 и 24 — книжки за первую и вторую половину декабря.

⁴⁸ «Гармония в природе» — объемистые статьи ботаника А. Н. Бекетова, посвященные явлениям приспособляемости, трактуемым с точки зрения «уразумения мировой гармонии», основанием которой Бекетов считал «Общефизические свойства, коими одарена материя силами божества» («Русский Вестник» 1860, № 11, 197—241 и № 12, 534—594).

⁴⁹ «Русский Вестник» в редакционной статье «Еще несколько слов о мировой Юстиции» (1860, № 12, 312—318) полемизировал со статьями Б. Утина по вопросу о характере английской юстиции («Современник» 1861, № 11).

⁵⁰ Слова «робко, мелким шрифтом» взяты из «Письма постороннего сатирика» (А. Ф. Писемского) в редакцию нашего журнала по поводу книг г. Панаева и «Нового поэта» («Время» 1861, № 1, Критическое обозрение, 60).

⁵¹ Некрасов имеет в виду диспут Н. Перозии и Смирнова о деятельности «Общества русского пароходства и торговли», происходивший в зале Пассажа 13 декабря 1859 г. Этому диспуту («первому митингу в России»), по выражению эмигранта Н. И. Сазонова) Добролюбов посвятил статью «Любопытный пассаж в истории русской словесности» («Современник», 1859, № 12, 402—403), где, между прочим, был высмеян и «юный литературный деятель» Н. А. Серно-Соловьевич (впоследствии организатор «Земли и Воли»), выступавший в качестве посредника со стороны Смирнова, защитника общества. По поводу его речи Добролюбов писал: «Г. Серно-Соловьевич в течение четверти часа занимал собрание весьма глубокими и красноречивыми рассуждениями о шрифте, каким напечатано замечание г. Перозии о милях. Весьма одушевленно и с чрезвычайною твердостью ораторствовал он о курсе и ве и пускался в весьма тонкие соображе-

ния о том, что хотел г. Пероззио сказать курсивом. Но, к несчастью, г. Полетика не сумел оденить и этих благородных усилий на пользу ораторского и отчасти типографского искусства...»; и в начале статьи: «О, какое великое дело язык, слог и шрифт!» (Полн. собр. соч., М., 1937, IV, 164 и 158).

⁵² В первом номере «Современной Летописи» «Русского Вестника» 1861 г. вместо передовой была помещена статья о принципах композиции нового шрифта, которым стала печататься «Летопись» (а затем и весь журнал). Создавая на основе элементов латинской графики новый шрифт, издатели стремились усилить его четкость и характерность начертаний путем введения кривых линий и увеличения числа букв, выступающих за линию строки. Попытка была не особенно удачной, так как составители шрифта не добились графической однородности: отдельные буквы выступали и рябили в глазах, затрудняя чтение. Аналогичная, но гораздо более радикальная реформа русского шрифта (и правописания) была ранее предложена Белинским в рецензии 1845 г. на книгу К. М. Кюдинского «Упрощение русской грамматики» (Полн. собр. соч., СПб., 1914, X, 51—61).

⁵³ Лажечников, создавая историческое повествование на фольклорной основе, стремился приблизить письменный язык к языку произносимому путем употребления графем, более близких к реальному звучанию речи. Так, он писал (притом также в своей, авторской, речи): ево, этова, полезнейшева, прозваннова, нашол, дешовый, поражен, учоный — и соединял слова: какбудто, можетстаться, влицо и т. п. (см. «Басурман», М., 1838).

⁵⁴ Некрасов имеет в виду орфографические новшества Краевского: «Он пытался сделать некоторые грамматические перевороты, — пишет в своих воспоминаниях И. И. Панаев, — и между прочим дать большую самостоятельность букве ж. Все это, однако, не принялось и вскоре забыто было самим изобретателем. Соболевский звал в это время Краевского — Краежским, петербургским журналистом» («Литературные воспоминания», изд. «Academia», Л., 1928, 115).

Ср. в первоначальной, журнальной редакции стихотворения Некрасова «Деловой разговор», где в лице журналиста высмеян Краевский:

Я даже был творцом таких нововведений,
Которые должны мой корректурный гений
Потомству передать, — хоть осмеяли их!
(«Современник» 1851, август).

⁵⁵ У Пушкина иначе:

На языке, тебе невнятном,
Стихи прощальные пишу;
Но в заблуждении приятно
Вниманья твоего прощу.

⁵⁶ У Карамзина: «Ах, Лиза, Лиза! где ангел хранитель твой? Где твоя невинность?» («Бедная Лиза»).

⁵⁷ Речь идет о полемике «Русского Вестника» с Б. Утиным (редакционная заметка по поводу статьи Утина «Очерк исторического образования суда присяжных в Англии») и Е. Тур (см. выше, прим. 7-е).

⁵⁸ Образец программы «одного большого журнала, богатого опытностью по части программы» почти буквально взят Некрасовым из объявления «Отечественных Записок» о подписке на 1861 г. (Ср., например, «Московские Ведомости», 13 октября 1860 г., № 221).

⁵⁹ Некрасов пародирует здесь бестактную фразу объявления «Библиотеки для Чтения»: «С конца прошлого года по настоящее время «Библиотека для Чтения»... успела счастливо соединить в этом отделе: ...драмы А. Н. Островского «Гроза» и самого редактора <А. Ф. Писемского> — «Горькая судьбина» («С.-Петербургские Ведомости» 1860, 13 ноября, № 248). Объявление было подписано самим же Писемским.

⁶⁰ «Яков Хам, Аполлон Капелькин, Конрад Лилиеншвагер» — псевдонимы Добролюбова в «Свистке», пародирующие имена: Хомякова (Хам-Яков. Ср. статью Б. Бухштаба, Добролюбов пародист. — ИОН, 1936, № 1—2, 260), А. Майкова и Розенгейма.

⁶¹ Эпизод из поэмы «Литературная травля, или Раздраженный библиограф» Саввы Намордникова (псевдоним Некрасова), высмеивавшей библиографа Г. Геннади (см. о нем во вступительной статье к публикации), был помещен в том же номере «Свистка», стр. 41—44.

⁶² «Исторические параллели» — пародическое использование «сравнительных жизнеописаний» Плутарха, в которых параллельно давались биографии какого-нибудь знаменитого грека и напоминающего его римлянина. Здесь же намечено сопоставление осмеиваемых русских общественных деятелей с известными историческими личностями Европы. Мысль о таких «Плутарховых парах» была подсказана Некрасову статьей Добролюбова «Два графа», появившейся в предыдущем номере «Свистка» («Современник» 1860, № 12, «Свисток» № 6; ср. Полн. собр. соч., V). Возможно,

что данный «проспект» является действительной программой неосуществившихся статей Добролюбова.

В. А. Кокорев (1817—1889) — миллионер-откупщик, вышедший из кулацкой семьи, делец большого размаха, прикрывавший хищнические операции демагогическими «либеральными» выступлениями; иронически сравнивается как «государственный ум» с известным политическим деятелем Жаком Лафитом (1767—1844) — сыном плотника, банкиром, во время Реставрации — деятелем парламентской оппозиции, при Людовике-Филиппе — председателем совета министров и министром финансов.

Критики неоднократно называли Евгению Тур «русской Жорж Санд». В «Русском Вестнике» 1856 г. Е. Тур печатала свои извлечения из мемуаров Жорж Санд.

Битва Горациев с Куриациями — известный эпизод римской истории, описанный в первой книге Тита Ливия и послуживший темой трагедии Корнелия «Нотасе». Сопооставляемый с этим «бой» в пассаже — на шумевший диспут между Перозио и Смирновым о деятельности «Общества русского пароходства и торговли», окончившийся скандалом. См. выше, прим. 51-е.

Ламорисьер и Н. Ф. Павлов. — Это сравнение содержит намек на ренегатство Павлова. Николай Федорович Павлов (1805—1864) — писатель, критик и публицист. В 1835 г. издал «Три повести», либеральные антикрепостнические тенденции которых вызвали сочувствие читателей (за разрешение книги цензор получил строгий выговор, и было запрещено ее перепечатывать). В 1847 г. Н. Ф. Павлов напечатал на шумевшие «Письма к Гоголю», направленные против его реакционной публицистики (по желанию Белинского перепечатанные в «Современнике» 1847 г.). После ссылки в Пермь (в середине 50-х годов, по жалобе полуразоренной им жены его, поэтессы К. Павловой) — либеральный публицист и критик, сотрудник «Русского Вестника» (статьи о комедии Соллогуба «Чинувник» и «Биограф-оригиналист» — в защиту Грановского от клеветнических воспоминаний В. В. Григорьева). К началу 1860-х гг. резко правее и оказывается в лагере реакции, с 1860 г. издавал на деньги Министерства внутренних дел газету «Наше Время», одной из специальных задач которой была травля деятелей революции, в частности Чернышевского.

Ламорисьер (1806—1865) — французский генерал, помогавший Кавеньяку в подавлении июньского восстания 1848 г.; военный министр Второй республики, высланный из Франции после переворота Наполеона III в декабре 1851 г., в 1859 г. амнистированный. В 1860 г. командовал армией папы Пия IX, воевавшей с революционными плеомонтами. Прославляемый русской реакционной прессой (в том числе «Нашим Временем» Павлова), он был, как писал Герцен, «отступник всех знамен, легитимист, орлеанист, республиканец, палач июньских дней, тройной изменник» («Религиозное значение С.-Петербургских Ведомостей»). — «Колокол» 1860, л. 73—74.

А. Капелькин — созданный Добролюбовым пародический персонаж поэта-эклетики, «юного дарования, обещающего поглотить всю современную поэзию». Его стихотворения (принадлежащие Добролюбову пародии) были напечатаны в предыдущем номере «Свистка» («Современник» 1860, декабрь; «Свисток» № 5). В дальнейшем этот псевдоним использован не был, и объявленная здесь «Легенда о чернокушнице, или шотландская ведьма» в печати не появилась (не имеет ли этот замысел отношения к А. В. Дружинину, автору «Путешествия Чернокушничкина» и пропагандисту английской поэзии?). Об Аполлоне Капелькине см. в статье Б. Бухштаба, Добролюбов-поэт (Н. Добролюбов, Полн. собр. соч., М., 1939, VI, стр. XXII—XXIV).

⁶³ **Дарья Куницына**, урожденная княжна Бесхвостова — повидному, Е. Тур (графиня Евдокия Салиас, урожденная Сухова-Кобылина), изображенная в лице Матрены Суханчиковой в «Дыме» Тургенева и в лице Хавроньи Прышовой в его же «Нови» (ср. «Сочинения Тургенева», Л.—М., 1930, XII, 512—514). Статьи «О вреде людоедства» — намек на выступления Е. Тур, имевшие характер благонамеренно-либерального триюизма, и, в частности, на ее заметку о Чаннинге («Русский Вестник» 1858, № 8) и на ее перевод статьи Чаннинга (там же, 1859, № 4) — по словам Добролюбова, статьи «о том, что не должно пьянствовать и почему не должно». Именно Добролюбовым подказана тема статей «О вреде людоедства». Ср. его рассуждения относительно «литературных протестов», порицавших антисемитизм: «...в каждом кружке людей есть такие общие понятия и интересы, которые предполагаются уже всем известными и о которых потому не говорят... Вам становится просто неловко и совестно в присутствии человека, с азартом рассуждающего о негуманности людоедства или о нечестности клеветы. Одно из двух: или сам рассуждающий находится еще на той степени нравственного развития, которая допускает возможность рассуждений и споров о подобных предметах, или он в ас считает так мало развитым, что полагает внушить вам истинные понятия о людоедстве или клевете» («Письмо из провинции»). — «Современник» 1859, январь; «Свисток», № 1, 201—202).

⁶⁴ Ряд статей о юморе у жителей Лапландии и у самодов — повидному, намек на статью того же Н. Ф. Павлова «Вотьяки и г. Дюма» («Русский Вестник» 1858, № 16). Ср. в том же номере «Свистка», в заметке Н. Черны-

шевского «Знаменитый наш остроумец Н. Ф. Павлов». «Что вы, что вы, прилично ли упоминать на страницах «Свистка» о вояцком остроумии!» («Ответ на вопрос, или освидетельствование вместе со всеми другими журналами «Современника». — Н. Чернышевский, Полн. собр. соч., СПб., 1906, VIII, 76). В статье Павлова с воячками сопоставляются просвещенные россияне, заискивающие у путешествующего по России А. Дюма; в частности, осмеивается помещик, бестактно представивший свою жену знаменитому писателю, а не его ей, как даме. — Намеки Некрасова на «графскую фамилию, утратившую документы при пожаре Москвы в 1812 г.», находят соответствие в деталях биографии Павлова: вольноотпущенный крепостной, он был воспитанником Московского театрального училища, где во время пожара 1812 г. его документы, действительно, сгорели. В то же время общеизвестен его «аристократизм» («маркиз Павлов» — в «Искре»), особенно к концу литературной деятельности. (Ср. в том же комментируемом номере «Свистка», в фельетоне Нового Поэта «На рубеже старого и нового года»: «Один совершенно лысый и полный, с двойным лорнетом на носу, очень гордо поглядывавший на всех, в тончайшем белье и с дырявыми сапогами... Мне сказали, что это один из героев «Нашего Времени», по имени Феопота. Он всем объявлял, что он самого аристократического происхождения, а именно — сын чорта».)

⁶³ Хаджи Подхалимов — персонаж Дружининских «Новых заметок петербургского туриста» («Век» 1861, №№ 13 и 16), повидимому, имевший смысл памфлета на неизвестного нам афериста-выскочку.

⁶⁴ Титмарш — псевдоним Теккеря, под которым он выпустил свою известную «Paris Sketch Book».

⁶⁵ А. Украинский — А. А. Краевский, издатель «Отечественных Записок». В словах о «новозадуманном обществе для сдирания шкуры — с живых и мертвых» можно видеть намеки на редактируемый им «Энциклопедический словарь», вызвавший в то время ряд нападок, как очередная афера литературного кулака. По поводу тем его лекций ср. насмешки Нового Поэта над неким ученым журналистом (несомненно, А. А. Краевским), «на глубокомысленном челе которого кажется начертано огненными буквами: истина в науке, истина в искусстве, истина в жизни» («Современник» 1847, № 12, 189), и его же фельетон «На рубеже старого и нового года», появившийся в комментируемом номере «Свистка»: «Я, — продолжал ученый редактор злобно, — развиваю истину в науке, истину в искусстве и истину в жизни...» (выше там же прямо названо имя Краевского).

⁶⁶ Редактор-дама «Русской Речи»... — Евгения Тур (см. о ней прим. 63-е).

⁶⁷ «Дай камини от Тура кушетку». — Всеобщее отсутствие кредита ощущалось особенно резко после недавнего финансового «процветания», которое развило привычку к роскоши и чрезвычайно повысило жизненные потребности привилегированного столичного общества. «Все жалуются на безденежье, толкуют о каких-то банкротствах, — вздор! — пронизировал Новый поэт (И. И. Панаев) в одном из своих фельетонов: — Приезжайте в Петербург, взгляните на его новые здания, войдите внутрь этих дворцов, и вы убедитесь, что вас обманывают, что Петербург не знает, куда девать денег, что здесь похищаются капиталы на каждом шагу. Люди с весьма незначительными средствами живут теперь в Петербурге так, как жили во время оно только очень богатые люди. У кого, например, теперь нет ковров, бархатов, тюлевых занавесок, туровской мебели!» («Петербургская жизнь. Заметки Нового поэта». — «Современник» 1860, № 12, Смесь, 384).

⁶⁸ Размен трехрублевой бумажки, с разорительной потерей на лаже — явления того же финансового кризиса. Правительство, выпустив почти не обеспеченные золотым запасом бумажные деньги, было вынуждено в 1856 г. прекратить их обмен на золото; ценность бумажных денег стала постепенно падать, звонкая монета почти исчезла из оборота и стала товаром — предметом спекуляции менял. Спекуляция эта была организована очень широко, сеть скупщиков золота и мелкой разменной монеты охватывала Россию и возглавлялась столичными менялами-тузами. При размене бумажек на звонкую монету меняла получал лаж — разницу в цене между золотом и кредитными билетами. Этот лаж в то время доходил до 15—20 проентов — 15—20 копеек на рубль. «Так как торговля монетой была бесконтрольной и негласной (законом был установлен прием бумажных денег по их нарицательной цене), то толкья недобросовестные и бесчестные, пользуясь легкомыслием и невежеством, часто получали и сбывали товар (монету) по самым несообразным ценам» (В. Безобразов, назв. соч., ч. I, 17). Жертвой такого положения и сделался мужик некрасовского стихотворения.